

Хрустальное сердце

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

испытание чувств

Татьяна Корсакова

Хрустальное сердце

«Автор»

2013

Корсакова Т. В.

Хрустальное сердце / Т. В. Корсакова — «Автор», 2013

ISBN 978-5-699-61533-9

Судьба была жестока к Максиму Легостаеву, подбросив едва ли не под колеса его автомобиля странную девушку. Вообще-то незнакомки, пусть даже симпатичные, Легостаева не волновали, ведь его сердце уже принадлежало ведущей музканала ослепительной Лоре Лайт. Однако спасти девушку пришлось, а там уж вступил в действие принцип «ты в ответе за тех, кого спас», и Макс понял, что у судьбы, очевидно, имелись свои резоны... Ранее книга выходила под названием «У любви нет голоса, или Охота на Лизу»

ISBN 978-5-699-61533-9

© Корсакова Т. В., 2013

© Автор, 2013

Татьяна Корсакова

Хрустальное сердце

Женщина появилась внезапно – вдруг материализовалась из звенящей от холода темноты. Макс успел среагировать в последний момент: вывернул руль, ударил по тормозам. На обледеневшей, скользкой, как каток, дороге машину занесло, завертело, швырнуло в сугроб.

Какое-то время он просто сидел, вцепившись в руль, тупо глядя перед собой. По лицу катились холодные капли пота, а Макс не мог их стереть, потому что никак не удавалось разжать онемевшие пальцы.

«Зацепил – не зацепил?» – вертелась в голове одна-единственная мысль. Буйное воображение тут же принялось рисовать страшные картины.

Ну и что, что он не виноват?! Ну и что, что эта ненормальная сама бросилась под колеса его машины?! Все равно ее смерть останется на его совести. Все равно он теперь до конца дней своих не сможет спокойно спать. Шутка ли – убить человека...

А если зацепил, но не сильно? А если она жива? Или кровью истекает, пока он тут сидит?

Ступор прошел. Дрожащими пальцами Макс расстегнул ремень безопасности, толкнул дверцу и, как был, в тонком свитере, вывалился из машины. Январский ветер тут же забрался за пазуху, облапил тело, ледяными пальцами пробежался по волосам, швырнул в лицо горсть снежной крошки. Макс, согнувшийся от холода пополам, обежал зарывшуюся мордой в сугроб машину, замер посреди пустынной по случаю метели и позднего вечера дороги.

Жива! Слава тебе господи! Жива!

Женщина стояла на четвереньках у обочины. Кажется, она даже пыталась подняться на ноги.

Жива! Радость-то какая! Ведь жива же, раз не лежит пластом, а ползет! А что она ползет-то? Может, болит что или поломано?

– Вы в порядке? – Макс присел перед пострадавшей на корточки.

Та промычала в ответ что-то нечленораздельное, стала медленно заваливаться набок.

– Эй, вы чего это? – Макс схватил ее за воротник куцей шубейки, потянул на себя.

Женщина перестала заваливаться, посмотрела на него мутным, совершенно невменяемым взглядом, снова что-то промычала.

«Пьяная, – догадался Макс, – или пьяная, или обдолбанная. Скорее второе. Алкоголем от нее не пахнет».

Беспокойство вдруг сменилось лютой яростью. Макс даже холод чувствовать перестал от этой внезапной ярости.

Дрянь! Нажралась – и под его машину! Сбил бы ее и загремел бы на нары ни за что ни про что... Он с гадливостью оттолкнул от себя женщину, вытер руки о джинсы. Потеряв опору, незнакомка снова стала заваливаться в сугроб.

Макс уже был у своей машины, когда, вдруг передумав, вернулся. Алкоголичка не алкоголичка, а зацепить он ее все-таки мог. Вдруг у нее переломы или ушибы? Тихо матерясь, отогревая дыханием окоченевшие пальцы, принялся расстегивать кучую шубейку. Под шубейкой оказались джинсы и свитер.

Так, если сбил, на теле должны остаться кровоподтеки. На впалом животе наркоманки-алкоголички ничего такого не обнаружилось. Макс рванул свитерок выше – на груди тоже никаких синяков. На всякий случай он пробежался пальцами по покрывшейся мурашками коже, пересчитал ребра. Можно подумать, он врач и что-то понимает в поломанных ребрах!

Ничего, все нормально. Можно со спокойной совестью уезжать.

Что-то неладное творилось сегодня с его совестью. Она вела себя как-то слишком активно и успокаиваться не желала. Макс тяжело вздохнул, снова присел перед пострадавшей, одернул свитерок и, подышав на руки, принялся застегивать шубейку. Что ж это за зверь такой? Кролик? Чебурашка?

Женщина больше не мычала, лежала себе смирненько с закрытыми глазами. В тусклом свете фонарей ее лицо казалось гипсовой маской – сплошные светотени. На дороге ее оставлять нельзя, еще сшибет кто-нибудь. Куда же ее девать?

Макс огляделся – метрах в пяти от дороги, на детской площадке, маячила деревянная беседка. Вон туда ее, родимую! Он взял наркоманку за шиворот, рывком поставил на ноги, обхватил одной рукой за талию, чтобы не заваливалась, посмотрел на свою машину. Ее бы тоже не мешало из сугроба вытащить да поставить аккуратно, а то какой-нибудь лихач наскочит в темноте – и прощай, «мазdochка» любимая.

Искус бросить тетку обратно в сугроб и заняться машиной оказался велик, но совесть, будь она неладна, снова беспокойно заворочалась. Макс чертыхнулся, подхватил тетку под мышки и, утопая в снегу по колено, поволок к беседке.

– Вот и все, моя красавица, – он пристроил тетку на скамейку. – Тут хорошо, ветер не так сильно дует. Полежишь, оклемаешься...

Он даже воротник на шубейке приподнял, чтобы наркоманке-алкоголичке было удобнее лежать, и уже собирался уходить, когда она вдруг открыла глаза. Теперь взгляд был не таким уж и невменяемым, просто испуганным и, кажется, просительным.

– Ну? – рявкнул Макс нетерпеливо.

Она ничего не сказала, закрыла глаза и вроде как уснула.

В машине было тепло и уютно, но продрогший до костей Макс поставил обогрев на максимум, посидел с минуту, согреваясь, посмотрел задумчиво на приборную панель. Лора, наверное, уже извелась. Она ненавидела, когда он опаздывал, даже на минутку. Она вообще очень категорична, его маленькая знаменитость. С ней было очень нелегко и очень здорово. Как на американских горках. Макс долго ее завоевывал, обошел толпу конкурентов и, завоевав наконец, не собирался терять. Надо ехать. Может, еще не поздно.

«Мазда» дернулась, обиженно заворчала. Да, вот такие они строптивые, обе его девочки. Выравнивая машину, Макс потянулся за мобильником. Телефон Лоры не отвечал. Обиделась и не берет трубку? А может, уснула? Иногда так бывало: он приезжал на романтическое свидание и находил Лору спящей перед работающим телевизором. Он даже не пытался ее будить – она страшно не любила, когда ее будили, – он просто тихо пристраивался рядом на просторном авангардном диване и смотрел...

Он, Макс Легостаев, прагматик до мозга костей, с пеленок не признающий никакой романтики, мог смотреть на спящую Лору часами. Она казалась удивительной, она стояла потраченных на нее сил, денег и нервов. Нет, не так. Она была достойна намного большего, чем мог дать ей Макс. Он – всего лишь креативный директор модного мужского журнала, а она – теледива, звезда, богиня, небожительница.

От мысли, что богиня и небожительница Лора Лайт принадлежит не какому-нибудь олигарху или английскому лорду, а исключительно ему, Макс Легостаеву, на душе стало совсем хорошо.

Интересно, она сейчас злится? Скорее всего, да. Богиня и небожительница призвала несчастного креативного директора: «Макс, мне скучно, приезжай...» А он, идиот, не воспользовался предоставленной милостью, потратил бесценные минуты на какую-то обдолбанную тетку! Ох, похоже, не миновать наказания: отлучения от великолепного Лориного тела на неделю как минимум. Как он переживет это, бог знает. Будет его ломать и колбасить, и работа встанет, и главред «Хозяина жизни», непосредственный начальник Макса, станет раздраженно

хмуриться и смотреть многозначительно, а потом скажет что-нибудь такое, от чего депрессия только усилится...

«Мазда», пофыркивая и вспахивая бампером снег, подрулила к знакомому дому. Лорин дом предназначался исключительно для таких, как она, небожителей. Ажурная башня из стекла и бетона упиралась верхушкой в тяжелые, нафаршированные ледяной крошкой тучи. Страхивая снег, Макс вошел в ярко освещенный вестибюль, кивнул знакомому охраннику. За год он успел выучить всех здешних охранников. И они его успели выучить и держали за своего, до нового распоряжения богини и небожительницы Лоры Лайт.

Роскошный пентхаус встретил Макса тишиной: ни музыки, ни бормотания телевизора. Едва переступив порог, он уже знал – Лоры дома нет. Значит, действительно обиделась и решила наказать его, несчастного, немедленно. Уехала, наверное, в какой-нибудь ночной клуб, даже записки не оставила. Вот она какая жестокосердная. Ей теперь – веселье, а ему – бессонная ночь. Макс еще раз, без особой, впрочем, надежды, набрал знакомый номер.

Ничего. Приговор вступил в силу. Тут неделей отлучения не обойдешься. Пожалуй, будут воспитывать по полной программе. Игнорировать будут, с конкурентами стравливать; может, даже подраться придется с кем-нибудь из особо ретивых соперников. Лоре нравится, когда из-за нее льется кровь. Конечно, сама она в этом никогда не признается, но Макс знает. После боев «в ее честь» Лора оттаивает, с победителем бывает ласкова и нежна. Последний год победителем становился он, Макс Легостаев. Это он только с виду такой утонченно-рафинированный, а в душе настоящий бойцовый дворовый кот. Бойцовый, потому что с детства драчливый. А дворовый, потому что свободолюбивый... Был – до встречи с Лорой.

Макс плюхнулся на авангардный диван, криво усмехнулся – теперь он кот домашний, пушистый и покладистый, лишь изредка вспоминаящий о своем боевом прошлом. Вот что с мужиками делает любовь...

Ему вдруг стало очень обидно, впервые за этот озаренный сиянием Лоры Лайт год. В конце концов, ему уже тридцать, давно не мальчик, чтобы им вот так вертели и пренебрегали.

Может, и права сестрица Аня? Пора ему повзрослеть и перестать ухлестывать за – как это она их называла? – за телевизионными стрекозами? Аня женщина мудрая и опытная. У нее семья есть: муж и дети-двойняшки. Она в жизни получше многих разбирается. Может, и правда, – пора взрослеть? Вот прямо завтра. Нет, прямо сегодня!

Макс встал с дивана и быстро, чтобы, не дай бог, не передумать, вышел из Лориной квартиры. Вот вернется богиня под утро, а Макса Легостаева нет на прикроватном коврик. Макс Легостаев снова стал бойцовым дворовым котом!

Стараясь не думать, чего ему будет стоить этот поступок, Макс спустился на первый этаж, клацая зубами от холода, сел в свою машину. Все, домой! Пить пиво, напиток плебеев, как сказала бы Лора, отогреться и смотреть по ящику футбол. Хоть один из сорока спутниковых каналов должен показывать футбол, забаву для олигофренов, по мнению Лоры.

А плевать! Он будет пить напиток плебеев и предаваться олигофреническим радостям. Лишь бы не думать о неминуемой расплате и долгосрочном отлучении от ее тела.

Предаться тихим мужским радостям не удалось. На подступах к родимому дому резко активизировалась уснувшая было совесть. Макс даже закашлялся от неожиданности, повертел головой в поисках источника раздражения.

Вот он, источник – полузаметенная снегом беседка. Макс сжал зубы и уже собрался проехать мимо, но растревоженная совесть больно ткнула его локтем под ребра.

– Да она уже, наверное, давно ушла, – сказал Макс зло и сам себе не поверил.

Ушла она, как же! В ее нынешнем состоянии она и ползать-то не может, не то что ходить. А сколько там за бортом? У-у, за бортом шестнадцать градусов мороза. А она в шубке этой

своей куцей и сапогах дерматиновых. А времени сколько прошло с их случайной встречи? Сорок минут.

Можно замерзнуть в шестнадцатиградусный мороз за сорок минут? Макс очень не хотелось себе в этом признаваться, но по всему выходило, что замерзнуть – раз плюнуть.

«И что теперь? – сердито думал он, выбираясь из машины и прыгая в глубокий снег. – Мне теперь открыть у себя вырезвитель и обихаживать всех желающих? Хорошая получится развлекуха...»

Где-то в душе Макс продолжал надеяться, что женщина ушла. Но она лежала на деревянной скамейке, припорошенная снежком. Второй раз за этот сумасшедший вечер он испугался. А что, если тетка уже того... очоурилась? Он бросил ее в беседке, потому что торопился на свидание к Лоре, а наркоманка взяла и замерзла насмерть. Макс стянул предусмотрительно надетые перед выходом из машины перчатки, сунул руку тетке за пазуху. Она была теплой, не такой теплой, как его рука, но все же... И сердце ее под его пальцами билось.

«Жива!» – в который уже раз за этот чумовой вечер возликовал он. Нежно, точно суженую, подхватил на руки закутанную в хлипкую шубейку наркоманку и порысил к машине. Вырезвитель так вырезвитель, лишь бы грех на душу не брать.

Ввалившись в подъезд родного дома, Макс немного отдышался. Ноша была не своей и от этого тяжелой. Вот если бы он нес Лору...

Хватит мечтать, тетку еще нужно разморозить и, по возможности, привести в чувство, чтобы к утру и следа ее не было в его квартире.

Кое-как открыв дверь, Макс положил меховой сверток на коврик в прихожей, стал торопливо раздеваться. В квартире было тепло. Благодать-то какая! Он разулся, влез в домашние тапки, задумчиво пошевелил пальцами ног. Заниматься «гостьей» не хотелось. Может, оставить ее отсыпаться на коврике?

Он бы и оставил, если бы не совесть. Со стариковским кряхтением Макс присел перед «свертком», с раздражением посмотрел на натекшую с него лужу. От мокрой шубейки пахло псиной. Макс поморщился, принялся расстегивать пуговицы. Тетка не шевелилась, лежала себе тихонько, в процесс не вмешивалась. Он стащил шубейку, на вытянутой руке отнес ее к вешалке, но передумал, вешать не стал, пристроил в углу на полу. Больно много чести для занюханной дворняги из неизвестного зверя – висеть рядом с его породистой испанской дубленкой.

Извлеченная из шубы тетка оказалась шупленькой, даже тщедушной. Наверное, запойная. Пить пьет, а поесть забывает.

Сапожки, сначала показавшиеся ему дерматиновыми, при ближайшем рассмотрении оказались вполне приличными, из натуральной кожи. Он даже разрешил им постоять рядом со своими «штатовскими» ботинками.

Носочки у алкоголички были просто загляденье: полосатенькие и с пальцами. Может, она по пьяни на ноги перчатки натянула? Макс присмотрелся – нет, самые что ни на есть носки, только с пальцами. Даже в цвет к головному убору подобраны. Во как!

Вязаная шапка-ушанка с длинными полосатыми «ушами» тоже смотрелась забавно. Макс потянул за одно «ухо» и тихо присвистнул. Замороженная тетенька, наркоманка-алкоголичка, оказалась вовсе не тетенькой. Нет, принадлежность ее к женскому полу сомнений не вызвала, а вот возраст... С возрастом Макс ошибся лет этак на двадцать. Тетенька оказалась девушкой, к слову, довольно привлекательной. Не такой привлекательной, как Лора, но тоже очень даже ничего. Невысокая, стройная, с короткими каштановыми волосами и симпатичной мордашкой. Вот только с кожей ей не повезло. Слишком бледная, местами синюшная.

Он не сразу понял, что это от мороза, а когда понял, растерялся. Ну вот, он ее притащил к себе домой, положил на коврик в прихожей, снял шубку. А дальше что? Как ее дальше-то отогреть? Если бы она была в сознании, если бы не нажралась предварительно какой-

то дряни, он бы пошел проверенным временем путем: влил бы в эту горемычную грамм сто-двести водочки. А тут как быть?

Может, «Скорую» вызвать? А потом объяснять чужим людям, что он эту наркоманку-алкоголичку знать не знает? И вообще, домой к себе ее приволок из чистейшего альтруизма. Оно-то, конечно, так и есть, да только кто ж ему поверит?

Девушка тихо застонала, свернулась калачиком, подтянула острые коленки к подбородку. Мерзнет?

Макс вздохнул, подхватил барышню на руки, перенес на диван в гостиной – как-то невежливо даму на коврике держать. Дама глаз не открывала, тряслась, как осиновый лист, и тихо поскуливала. Может, что-то страшное видела в своем дурмане? Может, обнаружила себя на Южном полюсе исключительно в бикини?

Что бы там ни снилось его неожиданной гостье, а мерзла она сильно. Даже плед из овечьей шерсти, подаренный родителями на день рождения, не спасал. Макс задумчиво потер заросший ультрамодной трехдневной щетиной подбородок. По всему выходило, что полумерами в данном случае не обойдешься. Когда-то, еще в студенческой юности, он читал в одной умной книжке, что общее переохлаждение куда страшнее банального обморожения. Что пострадавших нужно немедленно спасать всеми возможными способами. Вот только какими именно, он запямятовал. Придется действовать по наитию.

Максово наитие энергично кивало в сторону ванной, предлагая очевидный вариант спасения. Он еще пару секунд повздыхал, вновь поскреб трехдневную щетину и принялся закатывать рукава.

Ванна уже была почти наполнена, а Макс все топтался в нерешительности, зачем-то пены в воду налил. Он же ее спасать собирается, а не купать! Хотел было уже воду спустить, но передумал. Девушка все равно в отключке, его сердечной заботы не оценит.

Наполненная ванна парила и благоухала иланг-илангом, а Макс все думал...

Девушка лежала в позе эмбриона. Плед из овечьей шерсти мелко подрагивал на ее щуплом тельце. Макс решительно отбросил покрывало в сторону. Девушка скрючилась еще больше. Вот попробуй ее раздень...

С джинсами и носками «с пальцами» он справился довольно быстро. Со свитером пришлось повозиться – девушка не то чтобы сопротивлялась, но и не помогала, лежала в неудобной для раздевания позе, руки-ноги разгибать не желала. Когда наконец с одеждой было покончено, перед Максом встала морально-этическая проблема. Как быть с бельем? Приличнее было бы его с девушки не снимать, но практичнее – все-таки снять. Что он, за свои тридцать лет голых теток не видел? Чем эта отмороженная красавица от них принципиально отличается? Макс присмотрелся – не отличается. И вообще, должна же быть ему хоть какая-то компенсация за моральный ущерб...

С ванной возникли проблемы. Погрузить девушку в воду плавно и бережно не удалось – Макса обдало веером пахнущих иланг-илангом брызг. Пришлось одной рукой стаскивать с себя промокший свитер, а второй в это время удерживать голову девушки над водой. А она почему-то все норовила уйти на дно.

Только после пятиминутных мучений Макс сообразил, что достаточно просто слить немного воды, чтобы плавающему в его ванне бесчувственному телу не грозила смерть от утопления.

Макс отогревал замороженную красавицу уже минут пятнадцать. Он давно покрылся испариной и стал красным, как вареный рак, а барышня оттаивала очень медленно. Только на двадцатой минуте ее синюшная кожа начала розоветь, а потом и краснеть. В конце концов Макс устал от этого мучения, он выловил девушку, завернул ее в свой любимый махровый халат, отнес на диван.

Барышня больше в китайский иероглиф не завязывалась, лежала смирно. Наверное, отогрелась. После водных процедур, мокрая, раздумывавшаяся, она выглядела совсем юной, лет на двадцать, не больше. Макс сунул под ее мокрую голову подушку, укрыл пледом, всмотрелся в безмятежные черты. Вроде нет особых следов тлена и морального разложения. Девчонка как девчонка. В Москве таких тысячи. А может, она просто «разлагаться» стала не так давно? Может, вообще попробовала дурь впервые? Кстати, ни на руках, ни на ногах следов от укулов нет, он проверил. Чем же это она так набралась? Хоть бы к утру прочухалась, а то думай, что с ней дальше делать! Макс бросил рассеянный взгляд на девчонку, постоял пару секунд в раздумьях и направился в кухню. Доставая из холодильника бутылку пива, он с удивлением и легким злорадством подумал, что вот уже больше часа не вспоминает о Лоре. Чудеса! Может, какую-нибудь домашнюю зверушку завести, чтобы забота о ней отвлекала от грустных мыслей: собачку там, или кошечку, или новую любовницу, что ли...

Идея была заманчивой, но неосуществимой. Собачки и кошечки у него не приживутся, подохнут с голодухи. Вон, в холодильнике только пиво.

А любовница? Так куда же он без своей богини и небожительницы?! Это Макс хорохорится, пока ее не видит. А как увидит – прощайте, сила воли и мужская гордость! Лора, она такая – цепляет за живое. С такого крючка по собственному желанию не сорвешься.

В гостиной что-то бухнуло. Макс от неожиданности облился пивом, чертыхнулся. Вот вечерок! Ни секунды покоя!

Девчонка лежала на полу, подтянув к животу голые ноги. Чем это ей диван не угодил?

Макс подавил в себе подлое желание пнуть закутанное в халат тело, поднял девчонку, уложил обратно. Она что-то промычала, недовольно заворочалась. Пришлось подпереть ее подушкой, чтобы еще раз не свалилась. Недосуг ему всяких обдолбанных девиц с пола подбирать. И вообще, он футбол собирался посмотреть. Где пульт?

Плазменный «Панасоник», Максово последнее приобретение, ожил и завыл голосом новомодного эстрадного певца о безответной любви. Макс поморщился и убавил звук. Не то чтобы он боялся разбудить девчонку, просто не хотелось конфликтовать с соседями. Половина второго ночи как-никак.

Футбольный канал отыскался почти сразу. Макс довольно крякнул, откинулся на спинку дивана. Острые коленки девчонки уперлись ему в спину, но, как ни странно, особо дискомфорта ему это не доставило. Было даже немного приятно. Сбылась мечта идиота – футбол, пиво и неболтливая баба под боком.

К половине третьего пиво закончилось, футбол надоел и вообще захотелось спать. Макс зевнул, выключил телевизор, с сомнением посмотрел на девчонку. Можно ее теперь оставить без присмотра? Она спала, подсунув ладошки под щеку, и выглядела вполне здоровой. Ничего с ней до утра не случится.

С ней не случится, а с его имуществом? Макс перевел взгляд с девчонки на искусно подсвеченную витрину. На стеклянных полках дремали хрустальные фигурки: феи, эльфы, драконы – его коллекция и его гордость. Коллекция насчитывала тридцать семь экспонатов. Красивое число, Максусу оно нравилось.

Все началось в детстве. Смешного стеклянного эльфа привез из Польши отец. Вообще-то, изначально подарок предназначался старшей сестре Анюте, а Максусу полагалась электрическая железная дорога. Но, к удивлению домочадцев, железная дорога осталась без внимания, а вот эльф... В эльфа Макс вцепился мертвой хваткой. Он слышать не желал, что это девчоночья игрушка, что железная дорога намного круче. Для восьмилетнего Макса Легостаева стеклянный эльф с толстым, совсем не эльфийским пузом, с выпученными глазами и острыми ушками не был игрушкой. Он как-то сразу, с первой секунды, стал объектом поклонения, маленьким хрустальным божеством.

Анюта поняла это первой, отдала эльфа без боя – невиданное дело! Смущенный и расстроженный, Макс попытался всучить ей свинью-копилку «аж с пятью рублями мелочью», но сестра, обычно вредная и противная, как и все старшие сестры, неожиданно отказалась. А он потом еще целый месяц к ней подлизывался, мыл вместо нее посуду, выгуливал спаниеля Чарли и даже не пытался задирать Анькиных подружек.

Все это время хрустальный эльф лежал в «сейфе», картонной коробке из-под обуви, рядом с засушенным майским жуком и электрическим фонариком. Макс доставал эльфа только по вечерам, любовался тем, как преломляется свет в хрустальных эльфийских ушах, укладывал фигурку обратно и со смешанным чувством радости обладания и благоговения ложился спать.

Вторую фигурку, маленького хрустального драконика, отец привез из Чехословакии уже персонально Макс. У пузатого эльфа появился личный дракон, а Макс на всю жизнь заболел коллекционированием сказочных существ из хрусталя.

Вначале его коллекция пополнялась очень медленно. На родине ничего сказочно-волшебного и одновременно хрустального не выпускали, только стеклянных лебедей, гусей и свинок, а за границу отец, ведущий инженер машиностроительного завода, выезжал не так уж и часто.

Третьим экспонатом Максовой коллекции стала фигурка русалки, купленная мамой в комиссионке за десять рублей тридцать копеек. У русалки был отколот кусок хвоста, но, несмотря на это, она показалась Максиму восхитительной. Лишь много позже, занявшись коллекционированием всерьез, он узнал, что его русалка – настоящий раритет, что создана она в Эльзасе на знаменитой мануфактуре Лалика и стоит куда больше уплаченной суммы. Впрочем, цена тут не главное. В его коллекции были разные фигурки: и купленные за несколько тысяч долларов, и приобретенные за бесценок на барахолке. Макс любил их всех, начиная с пузатого эльфа и заканчивая хрустальным ангелом, найденным в одной из антикварных лавок Лондона. Он относился ко всем своим хрустальным питомцам с такой нежностью, с какой не всякий отец относится к собственным детям. Он заказал стеклянный стеллаж с мудреной подсветкой, благодаря которой тролли, эльфы и русалки казались почти живыми.

Он расставил их так, чтобы им было максимально комфортно и не скучно. По его разумению, феи боялись драконов, а эльфы не любили троллей. И он поселил их на разных полках. Феи жили на верхней, вместе с русалками. Драконы паслись на нижней, в компании с единорогами. На средней ангелы присматривали за вредными троллями. Всем было хорошо, и Макс мог спать спокойно. До тех пор, пока в его доме не появлялись гости. Гости так и норовили нарушить гармонию. Брели в руки Максовых питомцев, и потом ему приходилось полировать их специальной замшевой тряпичкой. Переставляли фигурки, и тогда в его хрустальном королевстве начинались смуты и волнения, а сам Макс впадал в тихую ярость.

Самые близкие знали – коллекцию лучше не трогать. Можно любоваться «игрушками» Макса со стороны, но брать их в руки, а тем более переставлять – боже упаси!

Не самых близких, но входящих в дом людей Макс инструктировал прямо на пороге. Обычно к его более чем настойчивым просьбам прислушивались, диковинно подсвеченную витрину обходили стороной. Только Лора чихать хотела на запреты. Иногда, в особо тяжкие минуты, Максиму казалось, что ей доставляет удовольствие терзать потаенные струны его ранимой души. Она называла русалку хвостатым чудищем. Она пристраивала насмерть перепуганную цветочную фею прямо у лап разъяренного дракона. Она гладила Макса по заросшей трехдневной щетиной щеке и называла чокнутым филателистом. И ей не было никакого дела, что русалка обижается на «хвостатое чудище», что у феи случается нервный срыв, а у дракона – несварение желудка. Лоре было плевать, что филателисты собирают марки, а не хрустальные фигурки. Она хотела царствовать в сердце Макса Легостаева единолично. Чтобы в нем не было никаких русалок и фей... А «чокнутый филателист», во всем остальном мягкий и покладив-

стый, не желал сдавать свой «хрустальный зверинец» на милость победительницы Лоры Лайт. Ее это задевало, но она терпела. Пока...

Девчонка завозилась, перевернулась на другой бок. Плед сполз. Макс задумчиво посмотрел на торчащую из-под него босую пятку, решил, что эта соня реальной угрозы для его питомцев не представляет, выключил свет и побрел в спальню. Утром он выставит незваную гостью за дверь и забудет о происшедшем, а сейчас – спать.

Макса разбудил перезвон будильника. Легостаев вскочил, посмотрел на подсвеченный зеленым циферблат, тихо взвыл.

Черт! Черт!! Черт!!!

Сегодня суббота, законный выходной, а он забыл отключить будильник! Макс рухнул обратно в постель, как в далеком детстве, накрыл голову подушкой. От резкого пробуждения и недосыпа голова гудела набатом. Спать расхотелось. Вот досада! Он сбросил подушку, перевернулся на спину, сердито уставился в потолок. Покоя не давало не только раннее пробуждение. Было и еще что-то. Он нахмурился, потер глаза и вспомнил.

Девчонка! Найденыш, спасенный им от неминуемой смерти. Как она там?

Макс сполз с кровати, прошлепал в гостиную. Девчонка лежала на диване: ноги на подушке, голова свешивается до пола. Плед тоже на полу. Это ж как нужно было вертеться, чтобы улечься вот так?

Макс выдернул из-под девчонки подушку. На ее голые ноги он старался не смотреть. Эти ноги почему-то вызывали в его холостяцкой душе слишком теплые чувства. А проникаться участием к найденышу не входило в его планы. Достаточно того, что он ее спас. Девчонка приподнялась на локтях, посмотрела на Макса сонным-сонным взглядом и снова ушла в отключку.

– Да, горазда ты спать, красавица, – проворчал он, от греха подальше укрыв голые девчоночьи ноги пледом и вышел в кухню.

К утру не распогодилось. Кажется, стало даже еще хуже. Макс выглянул в окно, порадовался, что не нужно идти на работу. Термометр показывал минус десять, но зато снегу за ночь намело! И продолжает мести. Припаркованных на стоянке машин не видно – только белые холмики. Вон тот холмик, надо думать, его «Мазда». Бедная девочка, замерзла небось.

И дороги занесло: ни пройти, ни проехать. Когда еще снегоуборочная техника сюда доберется? Макс взъерошил волосы, поставил на плиту турку. К обеду, пожалуй, доберется. Район то не из последних. Тут очень уважаемые граждане живут. Нельзя же допустить их изоляции от общества. Может, на работу кому-то нужно...

Точно в ответ на его «человеколюбивые» мысли на улицу вышел сосед, постоял немного у одного из снежных холмиков, окинул тоскливым взглядом заметенную дорогу, в сердцах махнул рукой и побрел, по колено увязая в снегу, к выходу со двора. Макс посмотрел на несчастного, сочувственно покачал головой, снял с огня вскипающий кофе. Да, не повезло мужику, добираться теперь на работу на метро. Так и опоздать недолго. До метро путь неблизкий, да еще по такому-то бездорожью.

Кофе был ароматный и обжигающе горячий, как раз такой, каким и должен быть настоящий кофе. От мысли, что вот он сидит в тепле на своей хайтековской кухне, пьет коллекционный кофе, заедает его шоколадными конфетами, что на работу идти не нужно и даже на улицу выходить не обязательно, на душе у Макса стало легко и радостно, и давешнее дурное настроение куда-то улетучилось.

В детстве он очень любил субботние и воскресные утра. Особенно воскресные, потому что по субботам приходилось ходить в школу. А вот в воскресенье спать можно было долго и просыпаться не от дребезжания будильника, а от запаха яблочных пирогов – мама всегда по выходным пекла пироги. И на просторной кухне – тепло и уютно. Мама в цветастом переднике – у плиты. Папа с газетами – за столом. Выгулянный сестрицей Анютой спаниель Чарли – на

пороге, и через него все время приходится переступать, потому что на другое место он перебираться категорически отказывается. И все ворчат и переступают, а Чарли довольно жмурится и энергично стучит по полу куцым хвостом. И сестрица Анюта не злая и нервная, а довольная жизнью и благодушная...

Уже будучи человеком взрослым и самостоятельным, Макс часто приезжал к родителям на выходные: отоспаться, покушать домашненького, окунуться в уютную, с детства знакомую атмосферу. Сестрица Анюта тоже приезжала, а потом она вышла замуж, родила двойню и стала навещаться в отчий дом реже, в основном затем, чтобы подкинуть внуков бабушке и дедушке. Макс приходилось «отдуваться» за двоих, а потом в его жизни появилась Лора, и семья как-то незаметно отошла на второй план. Родители сначала обижались, особенно мама. Мама звонила каждую пятницу, спрашивала, приедет ли он в гости, а у него всегда находились неотложные дела, и визит к родителям откладывался на потом. Макс сам не заметил, когда мама перестала звонить по пятницам – работа и Лора отнимали последние силы, давили угрызения совести на корню. По другим дням мама звонила, а по пятницам – нет. Он только сейчас это осознал, стоя посреди своей холостяцкой хайтековской кухни с чашкой кофе в одной руке и шоколадной конфетой в другой. Стало грустно и стыдно, и сыновний долг вдруг перестал быть абстрактным понятием, и захотелось на родительскую кухню. Чтобы отец читал за столом газету, а мама пекла яблочные пироги. Надо сегодня же позвонить родителям. Нет, лучше съездить...

Макс посмотрел в окно, потер подбородок. Если к обеду снег расчистят, можно поехать вечером с ночевкой. Выпроводить девчонку, испросить прощения у Лоры и стартовать. Он уже потянулся за телефоном, чтобы прямо сейчас испросить прощения, но вовремя опомнился. Какое там прощение в восьмом часу утра! Лора еще спит. И спать будет до обеда, а гневаться до ужина. И это при самом благоприятном раскладе, в который верится с трудом.

Что же получается? Получается, что к родным он сегодня не поедет. И завтра вряд ли поедет. Если Лора сменит гнев на милость, то нужно будет хоть денек полежать у ее ног. А если не сменит, то придется испрашивать разрешения полежать у ее ног. Как ни крути, а поездка в отчий дом откладывается на неопределенное время. Хотя почему неопределенное? На следующие выходные у него нет никаких планов, вот тогда он и поедет. А пока можно позвонить...

Трубку взяла мама. Даже когда все были дома, к телефону всегда подходила именно она.

– Мама? – почему-то шепотом позвал Макс.

– Максим? – В голосе мамы слышались радость и удивление.

– Угу, – одним глотком он допил кофе и спросил: – Как дела?

– Да хорошо все, а ты что звонишь в такую рань? Почему не спишь?

– Соскучился.

– Ну так приезжай, – сказала мама после небольшой паузы. – Племянники про тебя всё спрашивают. Я пироги вот как раз пеку.

– Я приеду, мам, – пообещал он. – В следующие выходные. Хорошо?

– Приезжай, сынок. – Ему показалось, что мама улыбается. На его холостяцкой кухне вроде даже запахло пирогами. – Мы тоже соскучились.

– Отец как?

– А что отец? Вот, сидит, газету читает.

– Все как всегда.

– Да, все как всегда. А что ж меняться в наши-то годы?

– Мам, какие ваши годы? Вы у меня еще молодые.

В трубке послышался звонкий смех.

– Приезжай, подхалим, – с нежностью в голосе сказала мама. – Отец тебе привет передает.

– И ему привет. Я люблю вас...

После этого разговора на душе стало светлее, запах пирогов усилился. Мистика какая-то... Макс счастливо улыбнулся, прошлепал в ванную. Он успел полежать в ванне, позавтракать, полистать книжку, посмотреть утренние новости, а девчонка все дрыхла. Да, горазды спать некоторые...

Макс сидел за ноутбуком, пытался работать, когда за спиной послышался шорох. На пороге маялась его ночная гостья. Вид у нее был еще тот: помятое спросонья лицо, волосы торчком, затравленный взгляд. Девчонка в нерешительности переступала с одной босой ноги на другую, зябко куталась в Максов банный халат.

– Привет, – сказал он, не отрываясь от компа.

А в ответ – тишина. Минуты две он делал вид, что работает, а потом не выдержал, посмотрел на девчонку. Конечно, в наше время глупо рассчитывать на благодарность, но хоть поздороваться-то со своим спасителем можно?

Девчонка стояла в дверях, привалившись плечом к косяку, и выглядела абсолютно несчастной. Разжалобить пытается. Чувствует, видно, за собой вину.

– Ты как? – спросил Макс чуть мягче, чем следовало бы.

Девчонка виновато улыбнулась, неопределенно пожала плечами.

Странная она, однако.

– Не хочешь отвечать? Хорошо. А как тебя хоть зовут? – Макс предпринял еще одну попытку навести мосты.

Может, он что-то не то спросил? Девчонка вдруг побледнела, зашарила взглядом по комнате. Отвечать она, кажется, не собиралась.

Макса охватило недоброе предчувствие. А что, если он ошибся с диагнозом? Что, если она никакая не наркоманка, а просто слабоумная? Может, у нее вчера приступ какой-то был, реакция на изменение погоды, обострение? Иначе чем объяснить ее более чем странное поведение? Стоит тут, ресницами хлопает, на вопросы не отвечает. Что с ней теперь делать? Куда ее девать? Может, психбригаду вызвать? Макс с ожесточением потер подбородок. Ну вызовет он психбригаду, а как она сюда доберется по такому-то снегу? И кто только эту несчастную на улицу выпустил? В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит, а тут человек, пусть даже и не в своем уме...

А может...

Макс встал из-за стола, проскочил мимо вжавшейся в стену девчонки, подобрал в прихожей куцую шубейку, обыскал карманы. Может, у нее при себе какие-нибудь документы есть? Может, адрес или телефон? Он бы с родственниками ее связался, сдал бы дуреху с рук на руки. Она же с виду аккуратненькая, чувствуется, что за ней хорошо ухаживают. Может, сбежала, а ее сейчас ищут по всей Москве?

В карманах шубейки обнаружился только фантик от конфеты. Вот и все документы...

Пока Макс обшаривал ее вещи, девчонка ходила за ним хвостом, смотрела настороженно и молчала, а потом вдруг осторожно тронула за рукав, поманила за собой обратно в кабинет. Макс и глазом моргнуть не успел, как дурочка подошла к компу, закрыла программу, с которой он работал, зашла в Word. Он, словно загипнотизированный, следил за ее манипуляциями и даже не делал попыток вмешаться.

Тонкие пальцы запорхали по клавиатуре. На мониторе высветился текст:

«Здравствуйте. Меня зовут Лиза. Я не могу говорить».

Вот оно, значит, что! Девчонка, оказывается, глухонемая. А он – дурочка-дурочка...

– Ты не-ма-я? – спросил Макс, на всякий случай четко выговаривая каждый звук, чтобы девчонке было удобнее читать по губам. Обычно ведь глухонемые умеют читать по губам.

Она поморщилась, точно от боли, утвердительно кивнула, снова потянулась к клавиатуре: «Что со мной случилось?»

– Что с тобой случилось?! – изумился Макс. – Это ты у меня спрашиваешь, что с тобой случилось?!

Девчонка, и без того белая как полотно, побледнела еще больше. Макс показалось, что она вот-вот расплачется. Только этого не хватало!

– Так! Стоп! – Он предупреждающе поднял руки. – Никто не волнуется! Никто не плачет! Ясно?

Она закусила губу, кивнула.

– Давай разбираться. Идет?

Снова кивок.

– Значит, так: я подобрал тебя вчера на дороге, недалеко от своего дома. Ты была, мягко говоря, не в себе. Пила что-то? Или дурь приняла?

Девчонка отрицательно мотнула головой. В ее глазах плескалась паника.

– Ничего не пила? – недоверчиво переспросил Макс. – Ну не знаю, трезвой ты не выглядела. Это раз, – он загнул указательный палец. – И еще ты была насквозь промерзшей – это два. Я тебя пожалел, привез к себе, разморозил как умел.

При слове «разморозил» девчонка стала покрываться багровыми пятнами, судорожно вцепилась в полы халата – застеснялась, наверное.

– Только не надо падать в обморок. Можешь быть уверена, ничего нового я вчера не увидел, – сказал Макс тоном прожженного ловеласа.

Если он рассчитывал успокоить девчонку, то расчет не удался. Кажется, ей стало совсем нехорошо.

– Эй, ты чего? – испугался Макс. – Хватит мне тут истерики устраивать! Я, между прочим, человек нервный. Я тоже расстроиться могу. И вообще, на твою девичью честь я не покушался, да я на тебя даже и не смотрел. Больно ты мне нужна от... – Он хотел было сказать «отмороженная», но вовремя прикусил язык.

Девчонка затрясла головой, рухнула в кресло перед ноутбуком, сжала виски руками, тихо заскулила.

«Не обошлось-таки без истерики», – подумал Макс, пристраиваясь на краешке стола и пытаясь заглянуть ей в лицо. Он даже хотел погладить ее по спине, но передумал. Как бы там ни было, в какую бы переделку она ни попала, это не его дело. У него хватает своих проблем. Незачем добровольно сокращать дистанцию. Он и так поступил сверхсознательно, спас незнакомую деваху от верной смерти, притащил к себе в дом. Дальше пусть уж сама как-нибудь, чай, не маленькая...

Девчонка всхлипывала, размазывала по лицу слезы, а Макс сидел на столе, смотрел сверху вниз на ее вздрагивающую макушку и не знал, как правильно поступить. Сохранять дистанцию становилось все труднее.

– Все, хватит рыдать! – сказал он, а потом вспомнил, что она глухонемая, и потряс ее за плечо.

У нее были красивые глаза – светло-карие, с зелеными крапинками.

– Не плачь! – громко, словно это что-то меняло, сказал он.

Девчонка закусила губу, вытерла слезы.

– Хочешь есть?

Она отрицательно покачала головой.

– Не хочешь. Ладно, тогда я сварю тебе кофе, и мы спокойно поговорим.

Спокойно поговорим! Ну и выдал! Как же он с ней поговорит, если она глухонемая?

– Ты любишь кофе?

Утвердительный кивок.

– А шоколадные конфеты?

Еще один кивок.

Макс уже прыгнул со стола, когда она тронула его за рукав, быстро напечатала:

«Спасибо. Можно мне в ванную?»

– Да ради бога! Там на вешалке – чистое полотенце. Как ты вообще себя чувствуешь?

«Спасибо, уже лучше».

Уже лучше. Значит, до этого было не слишком хорошо.

Макс проводил девчонку задумчивым взглядом и направился в кухню. Поставив на огонь кофе, вернулся за ноутбуком. Надо же как-то с ней общаться...

* * *

...Господи, господи, господи! Да что же это такое?!

Лиза присела на край ванны, закрыла лицо руками. Она не должна находиться здесь, в квартире у незнакомого мужчины! Она должна быть в клинике, проходить обследование! Она же за тем и приехала в Москву.

...Она выкарабкивалась долго. Говорят, целую неделю была в коме. Лиза не помнила.

Она помнила только аварию, самые первые мгновения.

Они ехали с тетушкой с дачи. Урожай выдался на славу, багажник старой «девятки» был под завязку загружен яблоками. Под успокаивающее бормотание приемника Лиза дремала на пассажирском сиденье. До города еще час езды, можно расслабиться и отдохнуть. Дома отдохнуть не удастся. Неугомонная тетушка сразу примется сортировать урожай, откладывать самые красивые яблоки на зиму. Из тех, что поплотнее, заставит Лизу печь яблочный пирог. Да не маленькую шарлотку, а настоящий пирог, на весь противень. Зачем, спрашивается? Вдвоем им столько ни за что не съесть, а Артем, Лизин любимый мужчина, без пяти минут муж, в командировке, придет только через две недели. Кто же будет есть этот громадный пирог?

Лиза вздохнула, украдкой посмотрела на тетушку. Эх, ее бы воля, она бы вообще ничего не пекла. Зачем вообще готовить, если сейчас в магазине можно купить все, что душе угодно? Только тетушке это объяснять бесполезно. Она однажды решила, что в приличном доме должно пахнуть выпечкой, пусть не каждый день, но по выходным – обязательно. Она решила, а вот печь приходилось Лизе, потому что тетушка была художницей. У нее на первом месте – общение с музами и поиск вдохновения. Ну не на кухне же черпать это вдохновение? Вот поэтому забота о хлебе насущном и о домашнем уюте лежала исключительно на Лизиних плечах. Тетушка лишь руководила процессом и раздавала ценные указания, либо бесполезные, либо бестолковые. Лиза с ней не спорила, но все дала по-своему. Она и на дачу собиралась ехать одна, но музы вдруг увлекли тетушку на пленэр. Теперь на заднем сиденье «девятки» лежал плод тетушкиного душевного порыва, названный скромно, но элегантно: «Яблочная пора». Изначально картину планировалось повесить в гостиной, но Лиза выключила ее в собственное владение. В ее маленьком кабинете «Яблочная пора» будет смотреться куда лучше, чем в гостиной, и без того завешанной картинами от потолка до пола. И малышам, основным Лизиним клиентам, картина понравится. Детям нравится все необычное, мало похожее на действительность. «Яблочная пора» была необычной. Пряничный ярко-оранжевый домик стыдливо выглядывал из-за развесистых яблоневых ветвей. Гигантские яблоки весело светили румяными боками и выглядели, несмотря на исключительную нереалистичность, очень симпатично. Определенно детям понравится.

Лиза посмотрела на «Яблочную пору» и радостно улыбнулась. В обмен на картину тетушка точно заставит ее печь яблочный пирог. Ну и испечет она его! Не велика беда. Все равно жизнь – замечательная штука! У нее, Лизы Тихомировой, есть все, что нужно для счастья. Любимая работа. Ей нравилось возиться с детьми, даже небольшая зарплата логопеда ее не смущала. Любимый мужчина, без пяти минут муж. Они встречаются с Артемом больше года и уже дату свадьбы оговорили – четырнадцатое февраля, день всех влюбленных. Артем

настаивает, чтобы Лиза переехала к нему, а она все сопротивляется. Иногда остается ночевать в Артемовой «двушке», а перебираться насовсем не спешит.

Все из-за тетушки. Ну как ее, творческую натуру, оставить одну? Да она же без Лизы пропадет! Кто будет о ней заботиться, кормить, убирать? Нет, тетушку бросать никак нельзя. Ведь не оставила она пятилетнюю Лизу, когда в автокатастрофе погибли родители девочки. Несмотря на творческие искания, бытовую неприиспособленность и вечную стесненность в средствах, художница сумела вырастить племянницу, выучить, устроить на работу в образцово-показательный детский сад.

У Лизы уже созрел план решения проблемы. Им нужно произвести обмен. Их с тетушкой двухкомнатная квартира улучшенной планировки плюс «хрущевка» Артема – и можно купить приличную трехкомнатную квартиру. Или даже четырехкомнатную с небольшой доплатой. У тетушки будет своя комната, а Лизина совесть останется чиста. Надо лишь дожидаться Артема и обсудить все с ним. Артем согласится. Он добрый и к тетушке относится хорошо...

Из приятных раздумий Лизу вырвал тетушкин крик – отчаянный, пронзительный.

– Тетя, что...

Взвизгнули тормоза, Лизу швырнуло вперед. На дорогу перед искореженной «девяткой» она упала уже без сознания.

Ее счастье... Счастье, что ее выбросило из машины. Счастье, что водитель «КамАЗа», в который врезалась их потерявшая управление «девятка», успел оттащить ее, бесчувственную, на обочину. Счастье, что она не видела, как заживо сгорела тетушка, так и не сумевшая выбраться из машины...

Все говорили, что Лиза родилась в рубашке. Это просто чудо, что после восьмидневной комы очнулась целой и невредимой. Почти...

Ушибы, перелом ребер, сотрясение мозга – ничего страшного, до свадьбы заживет.

Ее утешали, а ей хотелось кричать. А как же тетушка?! Как же жить-то без нее?! Как жить, зная, какой страшной смертью она погибла? Лизе хотелось спросить об этом у тех, кто считал ее везучей, но она не могла...

В умных медицинских книжках это называлось красивым словом «афазия». Да, Лиза вышла из комы, но не могла говорить. Сначала врачи считали это следствием черепно-мозговой травмы. Девушку обследовали, крутили и так, и этак – ничего не нашли. Тогда с ней стала работать психолог, молодая, улыбчивая женщина. Психолог убеждала ее, что немота – временное явление. Что это реакция на пережитый стресс. По мнению психолога, Лиза должна была «отстроиться» в самое ближайшее время. Достаточно только выйти из больничных стен, очутиться в привычной среде.

Привычной средой для Лизы была тетушка. А тетушки больше нет, и привычной среды, стало быть, тоже нет. И домой возвращаться страшно, и смотреть на стены, увешанные тетушкиными картинами, больно...

Господи, у нее даже не было возможности попрощаться. Тетушку похоронили коллеги. Расходы взяла на себя фабрика художественных промыслов, на которой художница трудилась больше двадцати лет. А Лиза, единственный близкий ей человек, лежала в коме...

Из больницы Лизу забрал Артем. Она плохо помнила то время. Иногда ей казалось, что она превратилась в рыбу и живет в огромном аквариуме. А за стеклом люди: Артем, подруга Ленка, соседи, знакомые. Она пытается им что-то сказать, а они не понимают, постукивают по аквариумному стеклу, подзывают бедную рыбку Лизу, силятся понять, чего она хочет.

Вначале, когда душевные и физические раны были еще свежи, Лиза вообще ничего не хотела. А потом для нее вдруг стало очень важным снова обрести дар речи. Непроста же люди называли умение общаться даром! Нужно его потерять, чтобы понять, как оно ценно. Лиза потеряла – и поняла.

Это тяжело, когда приходится объясняться на пальцах, когда близкие люди вдруг перестают тебя понимать, когда знакомые смотрят на твои попытки заговорить с жалостью, а незнакомые – с удивлением и брезгливостью. Начинаешь чувствовать себя изгоем, человеком второго сорта. И мысль, что все эти мучения временные и скоро закончатся, уже не кажется такой уж спасительной. Время идет, а ничего не заканчивается. И с каждым днем становится все хуже и хуже.

С работы Лизу уволили. Вернее, вежливо попросили уволиться. Кому нужен логопед, который не может сказать ни слова? И не важно, что немота эта – временная. Да кто вообще сказал, что она временная? Заведующая детским садом так Лизу и спросила:

– Лизавета Витальевна, прошу понять меня правильно: а что, если вы останетесь инвалидом на всю жизнь? Мне-то что тогда делать? Зачем мне немой сотрудник?

У Лизы еще хватило сил, чтобы не расплакаться прямо в кабинете заведующей, выйти на детскую площадку, спрятаться в самой укромной беседке и только там дать волю слезам.

С Артемом тоже не получилось. Тут Лиза винила только себя. Она спряталась от жестокого внешнего мира в свой собственный маленький мирок и сознательно никого в него не пускала. Даже Артема, любимого мужчину, без пяти минут мужа. Они ведь и пообщаться-то толком не могли. Можно было попробовать изъясняться письменно, да много ли так объяснишь? Однажды Лиза все-таки попробовала, написала всякую ерунду о том, что она не хочет быть ему обузой, о том, что им лучше расстаться.

Господи, конечно, она не хотела, чтобы Артем уходил, не хотела оставаться со своей бедой один на один, но считала, что у Артема должны быть развязаны руки и нужно освободить его от обязательств. Вот такой она была дурой...

Лиза предложила любимому мужчине, без пяти минут мужу, расстаться, и по глазам было видно – он примет ее «вольную». Не сразу, может быть, месяц-другой побудет рядом, поставится «быть полезным», а потом уйдет. И в этом некого будет винить. Только ее, Лизу. Сама так захотела, не удержала, прогнала...

Артем ушел через неделю. Ушел по-английски, не прощаясь. А как с ней попрощаться? У нее же афазия. И вообще, после аварии она стала нелюдимой. Тяжело с такой, очень тяжело. А он молодой, у него еще вся жизнь впереди. И жена ему нужна здоровая, ласковая, чтобы с ней поговорить можно было. В общем, жена ему нужна такая, какой Лиза была пару месяцев назад.

Она его понимала и даже оправдывала, только каждую ночь плакала в подушку. По ночам плакала, а днем выслушивала рассуждения подруги Ленки на тему мужской неверности:

– Отпустила ты его! Ну и что?! Мало ли что женщина может в запале наговорить?! Но он-то мужик! Он же должен понимать, что это все не взаправду, что сейчас он тебе нужен больше, чем когда-либо. А еще жениться собирался! Знаешь, Лизка, это даже хорошо, что он сейчас ушел. Он проверки боем не выдержал, слабаком оказался и тряпкой. Ну скажи, зачем тебе слабак?

Лиза согласно кивала, старательно отводила глаза. Не станешь же объяснять подруге, что Артем ей нужен, что никакой он не слабак и не тряпка, что она сама во всем виновата...

– Отвлечись тебе надо, развеяться, – однажды сказала подруга Ленка. – Может, в санаторий какой-нибудь съездить?

Лиза лишь горько усмехнулась в ответ. Да у нее впереди масса развлечений! Она уже и план составила. Первым пунктом в нем шла постановка на учет на бирже труда. Теперь ей нужно искать работу, желательно надомную и не требующую специальных навыков, потому что нет у нее специальных навыков.

Вторым пунктом шла продажа тетушкиной квартиры и покупка другого, более компактного жилища – одной ей оплату коммунальных услуг не потянуть. Особенно теперь, когда Лиза в одночасье стала безработным инвалидом. Да, группу ей уже предлагали, но она решительно отказалась. Официально признать свою ущербность означало для нее капитулировать,

расписаться в собственном бессилии. А Лиза капитулировать не собиралась. Отплавав и отпреживав, она начала действовать. Встала на учет на биржу труда, где ей честно сказали, что подходящих для нее вакансий нет и не предвидится. Используя Ленку как переводчика, обменяла квартиру на однокомнатную с доплатой. Половину вырученных от сделки денег по совету все той же Ленки положила в банк под проценты, вторую надежно спрятала дома и зажила с чистого листа.

Жить с чистого листа было тяжело. Не спасали ни сила воли, ни полная мобилизация всех внутренних резервов. Лиза оказалась одна со своими проблемами. Прежние знакомые, так же как и любимый мужчина, без пяти минут муж, остались в прошлой жизни. Эмоциональный вакуум, как умела, разбавляла лишь верная подруга Ленка. Она регулярно навещалась к Лизе в гости, тормошила ее, не давала раскисать, выводила прогуляться. Ленка ее понимала с полувзгляда. Им даже удавалось поговорить!

Вот интересно, Ленка ее понимала, а бывший любимый мужчина – нет. Может, ей действительно повезло, что Артем ушел?

Думать об Артеме было уже не так больно. Даже известие, что он встречается с другой, Лиза восприняла спокойно. И продолжала бороться с афазией. Даже работу себе нашла самостоятельно, без всякой там биржи.

Идея поискать работу с помощью газеты частных объявлений посетила ее внезапно, во время одного из визитов Ленки. Они сидели на маленькой Лизиной кухне и уже полчаса изучали объявления. Из-за проклятой афазии Лизе почти ничего не подходило. Няня, сиделка, домработница, реализатор на рынке – все они должны разговаривать. Кому нужен работник, которого трудно понять? Было, правда, несколько подходящих вариантов, но они не нравились ни Ленке, ни уж тем более Лизе.

Жилищным кооперативам требовались уборщицы. В только что открывшийся ресторан зывали посудомойку. Художественной школе был нужен сторож. Лиза, возлагавшая на газету большие надежды, в отчаянии махнула рукой, начала варить кофе. В голове вертелись разные мысли, одна пессимистичнее другой.

Приличной работы ей со своей афазией не найти. Деньги, оставшиеся после продажи тетушкиной квартиры, стремительно тают. Даже при соблюдении режима строжайшей экономии ежемесячно на жизнь уходит приличная сумма. Если Лиза не найдет работу, то ее стратегические запасы закончатся меньше чем через полтора года. И это при самом благоприятном раскладе. И что потом?

О том, что будет с ней, когда закончатся деньги, думать не хотелось. Лучше она обдумает имеющиеся варианты. Конечно, с высшим образованием работать уборщицей стыдно. Вдруг кто-нибудь из старых знакомых увидит...

На этой трусливой мысли Лиза себя одернула – увидят так увидят. Плевать! В крайнем случае можно выходить на работу очень рано, когда жильцы еще спят. Или очень поздно, когда они уже спят. Нет, пожалуй, раньше – лучше. Сделал дело – и свободен.

Лиза невесело усмехнулась, сняла с огня кофе. А если устроиться на работу сразу в несколько кооперативов? В одном можно убирать рано утром, во втором – поздно вечером. Интересно, а какой график у посудомойки?..

– Нашла! – заорала Ленка.

Лиза вздрогнула и пролила кофе.

– Вот то, что тебе нужно! – Подруга подняла вверх указательный палец, процитировала: – «Срочно нуждаюсь в услугах по набору текста». Лиза, мы ж с тобой окончили курсы машинописи!

Лиза обреченно покачала головой. Может, они и окончили курсы машинописи, но было это давно, еще в школе. Она уже успела благополучно все забыть – это раз. Для того чтобы набирать текст, нужен компьютер – это два.

Свои доводы она изложила на обрывке тетрадного листка, подсунула его подруге. Ленка бросила быстрый взгляд на записку, нетерпеливо фыркнула:

– Ничего не забылось! Есть такая вещь, как моторная память. Начнешь работать – все сразу вспомнишь. А ноутбук тебе давно нужно было купить, не такой он нынче дорогой. Я брату скажу, он поможет подобрать нормальный, чтобы толковый, но без излишеств. Долларов за четыреста.

Лиза отрицательно покачала головой, с четырьмя сотнями баксов расставаться не хотелось.

– А может, и дешевле найдем, может, бэушный какой, – не унималась Ленка. – Тихомирова, не жадничай! Это ж твое орудие производства. А давай вот прямо сейчас по объявлению позвоним и спросим, сколько они будут платить за работу? – Не дожидаясь ответа, она потянулась за телефоном.

Разговор с невидимым собеседником длился минут пять. Лиза пила кофе, старалась не вслушиваться.

Четыреста долларов. Когда она сможет их отработать? И сможет ли вообще? Что это за работа такая – по набору текста? Может, лучше уборщицей?..

– Даже не думай! – грозно сказала Ленка, словно прочтя ее мысли. – Я уже обо всем договорилась. Слушай!..

Из Ленкиного рассказа выходило, что платить Лизе будут не так чтобы очень много, но на первое время должно хватить. А там она руку набьет, научится печатать быстро, будет брать большие объемы и зарабатывать соответственно тоже больше.

– Это ж не работа, а золотое дно! Клондайк! – сообщила подруга. – Иван Семенович, ну, тот, с кем я разговаривала, писатель. Представляешь, писатель!

Писатель? Вот уж интересно, откуда в их провинциальном городишке взялся писатель?

– Он, правда, пока непризнанный, но очень перспективный. И не нужно так скептически улыбаться, он, если хочешь знать, всю свою сознательную жизнь пишет. Но даже не это главное. – Ленка многозначительно помолчала. – Главное, что пишет он исключительно от руки. Ну не признает творческий человек всякое там «железо»! А кому сейчас нужны рукописные тексты! Всем подавай электронку. Вот и решил наш Иван Семенович перевести свои творения в электронный вид.

«Сколько всего творений?»

– Я ж тебе говорю – человек пишет всю сознательную жизнь. Сказал – пятнадцать романов. Каждый по четырнадцать-шестнадцать авторских листов.

«Это как?»

– Один авторский лист – это примерно двадцать машинописных страниц. Ну, как думаешь, за сколько дней ты двадцать страниц сможешь осилить?

Лиза растерянно пожала плечами. Наверное, за два дня осилит. А может, и раньше, кто знает?

– Один авторский лист – десять баксов, – почему-то шепотом сказала Ленка. – Вот и считай, десять листов – это уже сотня. Три книжки напечатаешь – и отобьешь деньги за комп, а дальше уже пойдет чистая прибыль. Лиза, соглашайся! Ивана Семеныча сроки поджимают, конкуренты на пятки наступают. Просил сегодня же сообщить о решении.

«А компьютер?»

– Да будет тебе компьютер! Прямо завтра. Я вечером братцу позвоню, и выбрать поможет, и наладить, и Интернет подключить. Как ты вообще жила без Интернета, Тихомирова?!

Так и жила, не страдала особо...

Ленка снова потянулась к телефону.

– Ну так я звоню писателю, договариваюсь?

Лиза кивнула – договаривайся.

Переговоры длились всего пару минут, и, надо думать, обе стороны пришли к консенсусу.

– Все, в понедельник идем знакомиться с писателем! – Ленка хлопнула ладошкой по столу.

Лиза улыбнулась. Определенно, подруга выбрала себе не ту профессию. Ей бы пойти каким-нибудь снабженцем, хозяйственником, а она зарывает свой организаторский талант в землю, работает в школе учительницей химии.

Ленка все взяла на себя: переговоры с братцем Васькой, вредным и строптивым, как все гении; контроль над покупкой, доставкой и наладкой ноутбука, Лизиного нового орудия производства. Проследила, чтобы Васька установил все необходимые программы, сбегала в телефонную компанию, заключила договор на подключение к Интернету и даже зарегистрировала Лизу во всех социальных сетях скопом.

Когда за неугомонной подругой наконец захлопнулась дверь, Лиза вздохнула с облегчением, сварила себе еще кофе, присела с ноутбуком к кухонному столу, пробежалась пальцами по клавиатуре, нажала на иконку «Word», с легким страхом посмотрела на девственно белый лист, напечатала: «А роза упала на лапу азора». «Азор» получился с маленькой буквы, она его стерла, написала теперь уже с большой. Потренировалась со шрифтами, остановилась на стандартном, максимально приближенном к машинописному, отхлебнула остывший кофе и улыбнулась. Ну вот, теперь у нее есть и орудие производства, и новая работа! И о первом, и о втором она знает очень мало, но лиха беда начало. Были бы голова и руки!

Знакомство с писателем и будущим Лизиним работодателем было назначено на шесть вечера. Уже к обеду Лиза вся извелась. Не помогли ни кофе, ни валерьянка. Душу терзали сомнения. А что, если неизвестный Иван Семенович уже нанял кого-нибудь? Что, если он больше не нуждается в услугах машинистки? Или, того хуже, рассчитывает обсуждать с ней свои творческие планы. А она не может ничего обсуждать...

Ленка пришла в пять, осмотрела со всех сторон включенный ноутбук, удовлетворенно хмыкнула:

– Осваиваешься? Ладно, давай, собирайся.

Писатель оказался интеллигентным мужчиной чуть старше пятидесяти. Лизу и Ленку он встретил с распростертыми объятиями, проводил в свою явно холостяцкую кухню, напоил крепким чаем с магазинными, но очень вкусными пирожными – в общем, проявил чудеса радушия и гостеприимства. Его совершенно не смутило, что Лиза не может говорить, кажется, он этого даже не заметил.

Они провели у Ивана Семеновича два часа, выслушали, как проходило его творческое становление. Как, будучи в течение долгих лет непризнанным и неформатным, он в конце концов показал «им всем» на что способен – взял первую премию на очень серьезном конкурсе научно-фантастической прозы. Теперь у него на руках договор на издание книги, две тысячи долларов призовых и ошеломительные перспективы. Теперь, если «милая Лиза» согласится помочь, его ничто не остановит! Сам он, к сожалению, печатать не умеет. Конкурсный роман набирал четыре месяца одним пальцем и страшно измучился. Побеседовав еще немного, они расстались, довольные друг другом, готовые к тесному сотрудничеству.

Лиза втянулась в новую работу с ходу, без всякой раскочки. Ленка оказалась права, когда говорила про моторную память, – руки ничего не забыли. Работать на компьютере было легко, намного легче, чем на пишущей машинке: можно и ошибки исправлять, и текст редактировать.

Была только одна проблема – почерк у Ивана Семеновича оказался совершенно нечитабельным. Добрую неделю Лиза разбиралась в его каракулях, классифицировала и сверяла

закорючки, загогулилки и завитушки. Если бы Иван Семенович не сказал, что работает преподавателем физики в сельскохозяйственном техникуме, она бы решила, что он врач. А если принять во внимание, что будущие литературные шедевры писались простым карандашом, да на тетрадных листках, да больше десяти лет тому назад, то становилось понятно, почему Иван Семенович был так приветлив и обходителен и даже накинул по доллару на каждую десятку. Положа руку на сердце, невелика плата за такой кропотливый труд! Первый авторский лист дался Лизе потом и кровью, а дальше стало легче, она даже в его безумных сокращениях научилась разбираться. Лиха беда начало, как любила повторять покойная тетушка.

Стоимость ноутбука Лиза отработала за полтора месяца, а потом уже пошла чистая прибыль, не бог весть какая, но на скромную жизнь затворницы хватало. Новые реалии хоть и не давали умереть с голоду, но существование не красили. У обычных людей есть проверенный, избитый маршрут: работа – дом, дом – работа. Бывают еще вариации типа: дом – работа – магазин – дом, дом – работа – детский сад (школа) – магазин – дом. У самых продвинутых и, наверное, счастливых есть еще остановки «театр», «кино», «кафе».

У Лизы Тихомировой был только дом. Даже посещение магазина она старалась свести к минимуму, стеснялась своей немоты.

Сначала было очень тяжело, приходилось еще дома писать подробный список необходимых продуктов, а потом, покрываясь испариной от волнения, подсовывать бумажку вечно уставшим, неприветливым продавщицам. Хорошо, если все на том и заканчивалось, но бывало, что продавщицы начинали возмущаться, что им работать надо и разглядывать всякие там писульки недосуг. В таких случаях Лиза уходила без покупок. Но скоро она сориентировалась, стала отовариваться исключительно в магазинах самообслуживания. Там никого ни о чем просить не нужно – бери что хочешь, плати деньги в кассе.

Сложнее было на рынке, но Лиза ходила туда только вдвоем с Ленкой, а Ленка, она такая – ей палец в рот не клади. И поторговаться может, и поругаться, если нужно, и подругу свою бессловесную в обиду не даст.

Что уж там, можно приспособиться и к афазии. Живут же как-то глухонемые люди! Но у Лизы не получалось. Вероятно, если бы она смирилась, призналась самой себе, что ее афазия останется с ней на веки вечные, ей стало бы легче. Но она не могла смириться, даже не пыталась. Сказали же врачи, что с головой у нее все в порядке. Ее даже в областной центр на компьютерную томографию направляли, искали какие-то «очаги» в головном мозге. Не нашли: с головой порядок, «очагов» нет, а говорить Лиза все равно не может. Иногда кажется, что вот-вот получится, еще одно маленькое усилие, и мир услышит голос Лизы Тихомировой. Не получается. Дебильное мычание получается, а человеческая речь – нет...

Что же это такое? Может, она все-таки головой повредилась, а врачи ей из жалости ничего не говорят? Не называли же раньше онкологическим больным их диагноз. А если и с ней так? Вдруг, неспроста старые знакомые при встрече с ней начинают грустно улыбаться и разговаривать с присюсюкиванием, так, как обычно разговаривают с домашними животными, маленькими детьми и слабоумными. Они что, действительно считают, что она после аварии не только онемела, но и отупела?

Вот из-за таких приторно-сочувственных улыбок и дурацких разговоров типа: «Что, Лизонька, ты меня не понимаешь? Ах, господи! Я ж совсем забыла, что ты немая», она и старалась свести контакты с внешним миром к минимуму. Ее окружение составляли только верная подружка Ленка и писатель-фантаст. А все остальные остались где-то там, за толстым стеклом аквариума.

Лиза пыталась убедить себя, что это нормально, что так, в аквариуме, тоже можно жить. Иногда ей это даже удавалось, но нечасто. Совсем нечасто...

Полгода в маленьком трио Лиза – Ленка – писатель царила относительная стабильность, а потом Ленка влюбилась. Да не просто влюбилась, а вдребезги, отчаянно и, как поначалу казалось, безответно.

Илья Владимирович Свешников – мужчина, удачно сочетающий в себе внешность голливудского актера и интеллект нобелевского лауреата, – занял пост директора Ленкиной школы и сразу же покорила сердца всей женской половины коллектива. Разведка донесла, что Свешников – о чудо! – до сих пор еще холостяк, и свободные от семейных уз дамы активизировались. Несколько месяцев Ленка наблюдала за этим хороводом со стороны и в процесс не включалась.

– Лиза, они все с ума посходили! – сообщала она с напряженно-равнодушным выражением лица. – Они же натуральные крысиные бега устроили. Приз той, кто первой доберется до Свешникова. Обхаживают его со всех сторон. Те, кому фигура позволяет, в мини-юбки повлезают, думают, ему своих ног мало. Те, кто пострашнее, домашние обеды ему прямо в кабинет носят, думают домовитостью взять.

«А он?» – спрашивала Лиза.

– А он самодеятельность и конкурс «А ну-ка, девушки!» запретил, ходит в столовку питаться, на ноги не смотрит.

«А ты?»

– А что я?! Я, как ты знаешь, готовить не умею и юбки не ношу принципиально. Нет у меня ни единого шанса...

Вот так Лиза и узнала, что лучшая подруга влюбилась – по тоскливому вздоху и безысходности во взгляде. Теперь уже не Ленка утешала ее, а она Ленку. Выслушивала ее стенания, гладила по голове, выводила гулять – в общем, поддерживала, как могла.

Ленка от внезапной любви сильно страдала и маялась. Даже похудела на пять килограммов. Но на мини-юбки не переходила, с предметом своей страсти держалась подчеркнуто официально.

– А что мне ему улыбаться-то, Лиза? Он же до сих пор не может запомнить мое отчество, все время путается. Да он на меня вообще не смотрит! Ему, видишь ли, есть на кого смотреть. Вон, Наташка Петухова пластику груди сделала. Сейчас свой четвертый размер всем желающим демонстрирует. Верхние пуговицы на блузке все время забывает застегнуть. Такая вдруг забывчивая стала, просто ужас! На Наташку он смотрит и отчество ее помнит. Лиз, а может, и мне грудь увеличить? Возьму кредит...

Лиза считала, что идти на крайние меры не стоит, что если мужчина любит женщину по частям, то это не любовь вовсе, а какой-то фетишизм. После долгих мучительных раздумий Ленка с ней согласилась, но погрузнела еще больше, а однажды сказала мрачно:

– А, плевать! Что мне какой-то там Свешников? Жила без него двадцать пять лет и еще столько же проживу. И вообще, грудь у меня без всякой операции красивая, просто я ею не размахиваю направо и налево...

Ленкины мучения продолжились, а потом случилось Чудо. Она именно так об этом и говорила – Чудо.

Антонина Петровна, Ленкина мама, дама весьма энергичная и коммуникабельная, уже года два как считала, что дочь засиделась в девках. С периодичностью один раз в три месяца она устраивала Ленке смотрины. Потенциальных зятеев поставляли многочисленные матушкины подружки и знакомые. Все претенденты на Ленкино сердце были исключительно положительными мальчиками, с хорошим образованием, достойной работой, приличной родословной. «Мальчишки», большинству из которых уже давно перевалило за тридцать, Ленку категорически не интересовали. После каждого смотрин она пыталась вразумить мать, объяснить ей, что двадцать пять лет по нынешним просвещенным временам – это не возраст, что никакой она не перестарок и знакомиться с мужчинами предпочитает самостоятельно. Антонина Петровна

слушала непутевую дочь, скорбно качала головой, а ровно через три месяца в их доме появился очередной «исключительно положительный мальчик».

Это было неизлечимо. Ленка была вынуждена либо сдаться и выйти замуж за одного из «мальчиков», либо терпеть ежеквартальные экзекуции. Она выбрала второе – и не прогадала. Очередным мальчиком из хорошей семьи оказался единственный сын давней матушкиной приятельницы Илья Владимирович Свешников...

Вот какие вензеля выписывает иногда судьба! Кто бы мог подумать, что такой мужчина нуждается в услугах свахи?

Ленка и не думала. По уже заведенной традиции перед судьбоносной встречей она не стала ни краситься, ни наряжаться, под неодобрительное ворчание мамы влезла в старые джинсы, прошлась пятерней по взъерошенным волосам. Когда в дверь позвонили, нацепила на лицо кислую улыбку и пошла открывать «дорогим гостям».

Она едва не грохнулась в обморок, когда за спиной хрупкой, моложавой женщины, видимо, той самой старинной маминой приятельницы, разглядела Свешникова. Он улыбнулся Ленке широкой, отнюдь не смущенной улыбкой, сунул ей в руки торт, протянул сияющей от удовольствия Антонине Петровне букет роз, рассыпался в галантных комплиментах и даже к ручке приложился. Только к маминой, Ленкины руки были заняты тортом, и ей вдруг стало интересно, как бы поступил великолепный Свешников, окажись они свободны?

– Леночка, ну что же мы гостей дорогих на пороге держим?! – Мама незаметно ткнула ее локтем в бок. – Приглашай Илюшеньку в гостиную, а мы с Анной Станиславовной пока бутербродиков нарежем.

Анна Станиславовна улыбнулась Ленке доброжелательной улыбкой и вдруг озорно подмигнула. От удивления Ленка чуть не выронила торт. Она даже не слишком сопротивлялась, когда Илюшенька увлек ее в гостиную.

У него были крепкие и горячие пальцы, Лена чувствовала их тепло сквозь тонкий трикотаж свитера. От этого тепла, а еще от таких интимно-панибратских прикосновений она окончательно растерялась. Стояла посреди гостиной с тортом в руках и глупо хлопала ресницами.

– Здравствуйте, Елена Ивановна, – сказал Илюшенька насмешливо.

Ого, а он, оказывается, выучил ее отчество!

– Здравсьте, – выдавила она из себя.

– Милая у вас мама.

– И у вас тоже.

– Ну, это только с виду, – Свешников улыбнулся. – Вообще-то, она очень решительная. Если уж что-нибудь вобьет себе в голову, то все, не отвертись. Вот, говорит, познакомлю тебя, Илюша, с дочкой своей давней подруги, Леночкой Селецкой. Славная такая девочка, умненькая, учительницей работает...

Под внимательным взглядом его ярко-синих голливудских глаз Ленка покраснела. Так он, оказывается, знал, с кем его будут знакомить! Знал – и все равно пришел. Наверное, решил поиздеваться над ней, глупой гусыней. Потом небось смеяться будет над тем, как она к нему сваталась! От этих мыслей ей стало горше некуда. Ленка даже разозлилась. Она всегда злилась после того, как пугалась или расстраивалась. Такая вот у нее была защитная реакция.

– Могли и не приходить! – с вызовом сказала она и швырнула торт на стол.

Бросок получился красивый, но неточный, торт заскользил по столешнице и с противным чавканьем плюхнулся на пол, прямо на любимый мамин ковер. Ленка закрыла глаза, досчитала до пяти, чтобы успокоиться, а когда открыла, Свешников был уже совсем близко – только руку протяни. Он смотрел на нее сверху вниз со смесью удивления и интереса, словно видел впервые в жизни.

– Вам не понравился торт? – спросил вежливо.

– Понравился, – Лена отошла на безопасное расстояние, присела над раскрывшейся от удара коробкой. Мама будет ругаться. Этот ковер ручной работы она привезла еще в девичестве из Самарканда и очень его любила. А тут – жирный торт!

Мысли об испорченном ковре помогли ей отвлечься от Свешникова. Она вздрогнула, когда над ухом послышался вкрадчивый голос:

– Не расстраивайтесь, Елена Ивановна, ковер мы сейчас почистим.

Мы?! Он собирается чистить с ней ковер?! Ленка так удивилась, что даже злиться перестала. А Свешников уже закатывал рукава свитера.

– Несите веник и совок, – командовал он тем же тоном, каким раздавал распоряжения на педсоветах – начальник, понимаешь ли...

В комнату вошли мамы, увидели детей, копошащихся под столом, несказанно обрадовались.

– Что у вас случилось? – весело спросила Анна Станиславовна.

– Да вот, – Свешников поднялся на ноги, виновато посмотрел на Ленкину маму и произнес покаянно: – Антонина Петровна, мне нет прощения, я испортил ваш замечательный ковер. Я очень неловкий. Леночка так расстроилась...

«Леночка расстроилась». Надо же...

Мама вдруг повела себя удивительным образом – ласково посмотрела на Свешникова и легкомысленно махнула рукой:

– Дети, не переживайте! Бог с ним, с этим ковром! Новый купим. Сами-то не перепачкались?

Свешников осмотрел Ленку с ног до головы, словно перепачкаться могла только она одна, сказал скромно:

– Нет, Антонина Петровна, все в порядке. Я сейчас все уберу.

Вот какой он, оказывается, джентльмен! И вину на себя взял, и убирать собирается. Ленка скептически фыркнула. А ведь непрост Илюшенька. Ох как непрост!

Коверная возня продолжалась минут пятнадцать. Оскорбленная Ленка в процесс не вмешивалась, предоставила Илюшеньке возможность отдуваться самому. А он и отдувался, причем, как ни странно, с видимым удовольствием. И за накрытым столом продолжал ухаживать за дамами и одаривать комплиментами всех троих. Как говорится, всем сестрам по серьгам.

Матушки тоже чему-то радовались, переводили полные умиления взгляды с Илюшеньки на Леночку, переглядывались, перемигивались. А Ленке все больше казалось, что она очутилась в самом центре какого-то коварного семейного заговора. Она еле дождалась конца обеда. Невыносимо хотелось курить. Вот уйдут «гости дорогие», и она сразу же покурит. И не важно, что мама будет ругаться. Надо же ей как-то стресс снять! И потом, ей уже двадцать пять. Раз до замужества доросла, то уж до курения и подавно...

Гости уходить не спешили, день плавно перетек в вечер, а они все сидели – общались. Нет, Ленка была вовсе не против Анны Станиславовны, очень милая оказалась женщина, но вот ее сыночек был невыносим. Лена то и дело ловила на себе его насмешливые взгляды и из последних сил старалась не краснеть. Что ей какой-то там Илюшенька? Всего лишь очередной претендент.

Претендент? Мамочки! Да на что же он претендует? На нее, Ленку Селецкую? Обхохочешься...

Ее мучения закончились только в седьмом часу вечера. Гости дорогие заверили хозяев в своем искреннем расположении, поблагодарили за замечательно проведенное время, потоптались немного на пороге да и отбыли. Слава тебе господи!

– Ну, как он тебе? – спросила мама, убирая со стола.

– Никак! – Ленка выудила из сумочки сигареты и потопала на балкон, снимать стресс.

Как ни странно, мама не ворчала. Только посматривала на дочку задумчиво, улыбалась каким-то своим мыслям.

На следующий после эпохального события день на работу идти страшно не хотелось. Придешь, а там – Илюшенька, холеный, насмешливый, прознавший про ее темное прошлое. Ленка уже собиралась симулировать какую-нибудь ОРВИ и взять больничный, но в последний момент передумала. Что же теперь, все время бояться неведомо чего?

В тот раз ей повезло – свидеться со Свешниковым не довелось. И на второй день повезло. А вот на третий везение закончилось. В самом конце рабочего дня Ленку вызвали на ковер. Когда она, робко постучавшись, вошла в директорский кабинет, Свешников сидел за рабочим столом, изучал какие-то бумаги. Деловой костюм, сосредоточенная морщинка на лбу – ничего общего с давешним неформальным Илюшенькой. Когда он, не поднимая головы, небрежно махнул в сторону стоявших у стены стульев, Ленке стало обидно. Вот он какой двуличный, Илья Владимирович Свешников! В гостях – один, при исполнении – другой. Она плюхнулась на стул, закинула ногу за ногу, смотреть старалась дерзко и независимо.

– Как ковер? – неожиданно спросил Свешников, оторвавшись от бумаг.

– Что? – Такого начала беседы она никак не ожидала.

– Я спрашиваю, как себя чувствует ковер? – терпеливо повторил он.

– С ковром все в порядке, будет жить.

– Очень хорошо. – Свешников улыбнулся и как-то сразу опять стал неформальным.

– Вы меня за этим вызывали? – спросила осмелевшая Ленка.

– Не только. Вообще-то, у меня есть еще один вопрос.

Ленка удивленно выгнула бровь – что еще за вопрос?

– Что вы делаете сегодня вечером?

– Я?!

– А вы видите тут другую барышню?

Ленка повертела головой, как будто в самом деле надеялась обнаружить в кабинете кого-то третьего. Не обнаружила. Испуганно посмотрела на Свешникова, сказала с достоинством:

– У меня на сегодня запланирована генеральная уборка.

Свешников хмыкнул.

– Считайте, что от генеральной уборки я вас отмазал.

– Ради чего?

– Давайте поужинаем сегодня вместе или просто погуляем.

Поужинаем или просто погуляем! Вот это да! Эх, была не была! За спрос ведь не бьют.

– Вы приглашаете меня на свидание?

Свешников расплылся в довольной улыбке, энергично закивал головой.

– А зачем? – на всякий случай уточнила Ленка.

– Там видно будет, – задумчиво произнес непостижимый Свешников.

Они поняли это сразу. Поняли оба, что это любовь. Ленка еще боялась поверить в свое счастье, от поцелуев краснела, от ласк шарахалась, а Свешников, похоже, для себя давно уже все решил.

– Женимся! – сказал он не терпящим возражения тоном ровно через месяц после начала их романа.

– Как женимся? – Сердце ее забило быстро-быстро, в глазах вдруг защипало.

– Как женятся все нормальные люди, – Свешников поцеловал ее в висок. – Свадьба, гости, тамада, кольца, подвенечное платье. Ты же не против подвенечного платья?

– Я против тамады, – прошептала Ленка.

– Хорошо, тамаду вычеркиваем. Ну, пошли?

– Куда?

– Обрадуем матушек, испросим благословения...

Ленка решилась спросить его об этом только после свадьбы. До того все как-то стеснялась. Муж собирался на работу.

– Илюша. – Она потянула его за рукав пиджака.

– Что? – Свешников поправил галстук, смахнул с рукава невидимую пылинку.

– Можно задать тебе один нескромный вопрос? – Ленка замялась.

– Давай свой нескромный вопрос, – он поцеловал ее в щеку. – Да побыстрее, а то я уже опаздываю.

Ленка, сделав глубокий вдох, решилась:

– Зачем тебе нужно было устраивать цирк со зрителями?

Свешников глянул на нее задумчиво, поцеловал еще раз, теперь уже в губы, ответил весело:

– А как же мне еще было до тебя добраться? На педсоветах ты сидела хмурая, в мою сторону даже не смотрела, фыркала на каждое замечание.

– Я фыркала?!

– Ты фыркала!

– А ты мое отчество до сих пор путаешь!

– Я путаю? Отчество родной жены?!

– Так, Свешников, стоп! Я не поняла, ты ко мне тогда на смотрины с серьезными намерениями приходил?

– С самыми наисерьезнейшими. Вообще-то, я не большой любитель таких увлекательных мероприятий, но как только я узнал, кто претендентка...

– Что? – поторопила его Ленка.

– Я сразу решил – вот он, шанс добраться до тебя.

– Зачем?

– Как это зачем? Чтобы жениться, разумеется...

Лизе было очень стыдно. Она лишь недавно призналась себе в том, что счастье лучшей подруги стало для нее поводом для печали. Нет, она радовалась за Ленку и желала ей только самого лучшего. Ей искренне нравился Свешников, и она надеялась, что у них с Ленкой все будет хорошо. Но теперь у подруги появилась семья. А семья – это очень серьезно. Это важнее всего на свете. И не нужно обижаться, что теперь Ленка навещает ее не так часто, как хотелось бы. У Ленки – новая жизнь. А у нее, Лизы, жизнь старая, и она не имеет права отвлекать подругу от семейного счастья своими проблемами.

А проблемы были. На Лизу все чаще и чаще накатывали мутные волны депрессии. Тетушки, единственного родного человека, больше нет. Любимый мужчина, без пяти минут муж, теперь с другой. С момента аварии прошел почти год, а проклятая афазия не проходила. Врачи стали намекать, что ей следует проконсультироваться у хорошего психиатра, что, возможно, у проблемы какие-то иные, глубинные корни.

О, о корнях своей проблемы Лиза знала все! Эти корни были длинными и крепкими, они питались ее жизненными соками, лишали надежды на будущее. Иногда ей казалось, что скоро она разучится не только говорить, но и думать. Что медленно, но неуклонно начнет деградировать. Раньше Ленка укрепляла ее душевное спокойствие, заполняла эмоциональный вакуум, но теперь у подруги появились другие заботы. Пора самоустраняться, нельзя мешать чужому счастью.

Самоустраняться тяжело, больно и страшно. Ничего, она справится, приспособится к новым реалиям. Ей теперь не внове приспосабливаться. И вообще, она не так уж и одинока. У нее есть работа и писатель-фантаст Иван Семенович. Он с ней даже иногда разговаривает...

Наверное, рано или поздно одиночество довело бы Лизу до тихого помешательства. Или буйного... Помощь пришла неожиданно – от Ивана Семеновича. Писателю понадобилось срочно найти что-то в Интернете.

– Лиза, я же старый профан. Я ничего не смыслю в технике. Мне дали один адресок. Гляньте, будьте так любезны...

И она вдруг вспомнила, что у нее есть Интернет, штука, без которой многие нынче не мыслят своей жизни.

Лиза просидела в Интернете полночи. Сначала нашла все необходимое Ивану Семеновичу, побродила по соцсетям, не без грусти и горечи просмотрела выложенные в «Одноклассниках» семейные фото бывшего любимого мужчины, которому так и не случилось стать ее мужем. Полюбовалась снимками Ленки и Свешникова, а потом принялась бездумно бродить по сети.

Как же это оказалось здорово! Лиза ухватилась лишь за самый краешек неведомого, но уже понимала, какие перед ней открываются горизонты. Интернет оказался непостижимым, совершенно автономным миром, со своими правилами, законами и уставом. И самое главное, в Интернете можно общаться без оглядки на афазию. У Лизы появился реальный шанс побороть свое одиночество. И она его ни за что не упустит.

Лиза смогла уснуть только под утро. Мозг, получивший невиданный объем информации, никак не желал отключаться. Она лежала на спине, закинув руки за голову, и рассматривала лунные блики на потолке. Они-то ее и убаюкали.

Утро принесло с собой почти забытое чувство нетерпения. Лиза еще не проснулась до конца, но уже знала – ее жизнь изменилась. Как именно, покажет время, а пока нужно вставать и приниматься за дело.

Она освоила Интернет в максимально короткие сроки, без посторонней помощи, методом проб и ошибок. В сети была ключом виртуальная жизнь, бесшабашная, круглосуточная, анонимная. В Сети были форумы и чаты. Входи – и общайся сколько угодно. Там можно было получить профессиональную консультацию по любому вопросу и просто дружеский совет. Там никого не волновало, можешь ты говорить или нет. Главное – чтобы тебе было что сказать.

О, молчавшей почти год Лизе было что поведать миру! Нашелся бы только собеседник. В сети собеседники находились всегда, даже глубокой ночью. Теперь некогда пустой Лизин аквариум постепенно заселялся виртуальными жильцами. У нее появились друзья и знакомые со всех уголков мира. Депрессия, а вместе с ней и реальная жизнь отошли на второй план, затаились. Теперь в реале остались лишь наскоками навещавшая ее Ленка да Иван Семенович. Остальные люди утратили свою значимость. Что ей какие-то люди, когда у нее есть Тимон, Сигизмунд, Аникей, Кэт, Калипсо... У нее есть свой мир и свое окружение, гораздо более добрые и милосердные, чем реальные.

Этот форум с многозначительным названием «Одиночка. ги» Лиза нашла случайно – загулялась в Сети, забрела на незнакомую территорию. Сначала она решила, что попала на очередной сайт знакомств, и хотела уже уходить, но взгляд зацепился за название темы: «Когда ты остался совсем один». Не слишком это было похоже на брачное объявление...

«Одиночка. ги» оказался форумом для людей, очутившихся в вынужденной изоляции. Он стал ее новым виртуальным домом. Здесь можно было честно рассказать о себе, не опасаясь, что тебя не поймут и над тобой посмеются. Здесь собирались люди с куда более серьезными проблемами, чем у нее, Лизы Тихомировой. Здесь ей было уютно. И самое главное, здесь была Эвелин.

Эвелин называла себя консультантом по медицинским вопросам, она была одновременно и «скорой помощью», и душой форума. Она то появлялась, то исчезала. И когда она исчезала, Лиза начинала тосковать. Как-то очень быстро виртуальная Эвелин стала для нее едва ли не

ближе Ленки. А может, и ближе – что греха таить? Ведь с Ленкой они общались лишь пару раз в месяц, а с Эвелин – практически ежедневно. И именно виртуальная Эвелин предложила ей реальную помощь. Теперь они большей частью общались не в форуме, а с помощью личных сообщений. Так удобнее и как-то интимнее. Эвелин раскрылась первой. Ей было сорок два года, звали ее Оксаной, работала она нейрофизиологом и понимала Лизину проблему как никто другой.

– Кто сказал, что ты безнадежна? – спрашивала Эвелин. – Ты не безнадежна. Тебе просто нужна хорошая консультация.

– Я уже консультировалась.

– И что?

– Мне сказали, что небольшой шанс у меня еще есть.

– Как долго ты собираешься ждать этот свой небольшой шанс?

– Не знаю. А что мне делать?

– Действовать!

– Как?

– Для начала вышли мне данные всех своих медицинских обследований, я их кое-кому покажу.

Лиза старательно перепечатала все свои выписки и консультативные заключения, отправила их Эвелин.

Ответ пришел через день.

– Показала. Сказали, что ты не безнадежна. Велели приезжать.

– Как – приезжать? – От волнения пальцы Лизы не попадали по клавишам.

– Просто! Садись на поезд и приезжай. Тебя что-то держит? Семья, любимый, работа?

– Ты же знаешь, что нет.

– Тогда тебе нечего терять. Приезжай, я тебя встречу.

– Как я тебя узнаю?

– Лови мое фото!

Приятное лицо, короткая стильная стрижка, сдержанный макияж, смешливые морщинки вокруг глаз – Эвелин оказалась именно такой, какой ее себе и представляла Лиза, – красивой, интеллигентной, доброй.

Лиза решилась. Почти решилась. Остались только технические вопросы, один из которых был принципиальным. Стоимость консультации и лечения. На черный день у нее имелось четыре тысячи долларов, оставшихся после продажи тетушкиной квартиры. Для московских реалий это много или мало?

Лиза спросила об этом Эвелин. Та ответила:

– Этого хватит, и еще останется. Успокойся.

Лиза вздохнула с облегчением. Думать о том, что денег не хватит, было страшно, а думать о том, что Эвелин от денег откажется, – стыдно. В конце концов, Лиза не бедная родственница и подруга не обязана взваливать на свои плечи ее финансовые проблемы. Все же успокоиться до конца ей так и не удалось – какое уж тут спокойствие, когда решается твоя судьба? – но на душе стало немного легче. Появилась хрупкая надежда, что все будет хорошо.

Сборы заняли меньше недели. Этого времени Лизе хватило, чтобы купить билет до Москвы, закончить набор рукописи Ивана Семеновича, приобрести самое необходимое в дорогу и попрощаться с Ленкой.

Ивана Семеновича ее решение уехать огорчило. Его можно было понять. Работа встанет на неопределенный срок, а новую помощницу еще поди поищи. Странной показалась Лизе реакция Ленки. Подруга к ее затее отнеслась, мягко говоря, настороженно.

– Куда ты поедешь?! Ты была раньше в Москве?! Не была! Мегаполис, другая страна, какая-то тетка мутная!

Лиза не считала Эвелин мутной теткой. Она считала ее порядочным, добрым и очень искренним человеком, о чем и сообщила Ленке.

– Ты что, до сих пор веришь в добрых тетенок? Московских фей с волшебными палочками? – продолжала гнуть свое подруга. – Ну подумай сама, кому ты нужна, девчонка из глухой белорусской провинции? Кто станет тебе помогать? Что ей с этого, твоей драгоценной Эвелин? Подруга выискалась! Лизка, я твоя подруга, и я говорю тебе – это афера чистейшей воды! Кида-ло-во!

«Ты просто ревнуешь».

– Я ревную?! – Ленка смяла листок, на котором Лиза излагала свои аргументы. – Да зачем мне ревновать? Ты знаешь меня полжизни, а как долго ты знакома с этой Эвелин? Пару месяцев? О да! Это очень большой срок!

Лиза упрямо покачала головой. Не получался у них диалог. Видно, и правда сытый голодному не товарищ.

– Тебе же сказали, что все это должно пройти!

«Когда?»

– Ну, когда-нибудь, – Ленка немного растерялась.

«А я не хочу когда-нибудь! Я хочу как можно быстрее!»

Подруга беспомощно развела руками, сказала уже спокойнее:

– Лиз, ну не пори ты горячку, подумай немного. Я бы сама с тобой съездила в эту Москву, но Илюшка теперь меня никуда непустит. Можно подумать, что беременность – это болезнь.

Лизе стало стыдно. Ленка ведь не отказывается ей помочь, просто просит немного подождать. И не Ленкина вина, что Лиза больше не хочет ждать. У каждого свои приоритеты. У Ленки – будущий ребенок. У нее – афазия.

Лиза обняла подругу, чмокнула в щеку. Ленка махнула рукой, тихо всхлипнула. Так расстроилась?

– Все равно ведь поедешь, – сказала сердито.

Лиза кивнула.

– Ох, и отчаянная ты девка, Тихомирова! Я бы так не смогла – в неизвестность...

Лиза пожала плечами.

– Ты мне позвони, как приедешь.

Лиза удивленно приподняла брови – как она, немая, позвонит?

– Ну, постучи три раза по трубке, – сказала Ленка. – Я буду знать, что с тобой все в порядке. А если вдруг понадобится помощь или, не дай бог, что-нибудь случится, постучи четыре раза.

Лиза кивнула – ну постучит она, постучит. Да ничего с ней плохого не случится. Все самое плохое с ней произошло год назад...

Как они и договаривались, Эвелин вышла на связь за день до Лизино отъезда в Москву.

– Заболела я, грипп свалил. Сама встретить тебя не смогу – температура под сорок. Но не волнуйся, за тобой приедет мой брат. Его зовут Леша. Номер твоего вагона он знает. Просто стой на перроне, Леша сам тебя найдет. Все, Лиза, я тебя жду!

Сообщение Лизу огорчило. Эвелин заболела, лежит с температурой. Ничего удивительного, грипп сейчас везде свирепствует. Ох, как не хочется больного человека загружать своими проблемами! Но билет уже куплен и день консультации назначен. Ее примет профессор Полянский, нейрохирург с мировым именем. У него в Москве свой реабилитационный центр. Лиза проверяла в Интернете – все правильно. Есть в Москве реабилитационный центр, которым руководит профессор Полянский. И один раз в месяц он проводит консультации для иногородних. Все правильно, все сходится. Ленка ошибается насчет Эвелин.

* * *

Лиза сошла на перрон Белорусского вокзала, зябко поежилась под пронизывающим январским ветром, огляделась по сторонам. Вокруг бурлила жизнь: пританцовывали на морозе встречающие, прибывшие спешили укрыться от непогоды в здании вокзала. Где же он, Алексей?

Холод вдруг забрался не только под шубу, но и в душу, сжал ледяными пальцами желудок. А что, если ее никто не встретит? Что, если Алексей не придет? Или придет, но не найдет ее в такой толпе? Может, он перепутал вагоны и ждет ее в другом месте? Может, застрял в пробке? Говорят же, что пробки в Москве – обычное дело. Господи, как же ей быть?! Как она здесь сориентируется одна, в чужом городе, немая?

В панике Лиза заметалась по перрону, потом вспомнила, что Эвелин велела ждать Алексея у вагона, вернулась обратно. Толпа уже давно схлынула, Лиза стояла у пустого вагона, клала от страха и холода зубами, озиралась по сторонам. Она уже потеряла надежду, когда ее окликнули. Похожий на студента молодой человек в короткой дубленке, с непокрытой головой улыбался ей вежливо-вопросительной улыбкой.

– Лиза? Здравствуйте, вы же Лиза, верно?

Она кивнула, протянула незнакомцу озябшую руку. От невероятного облегчения захотелось плакать. Улыбка молодого человека сделалась еще шире:

– А я Алексей, младший брат Оксаны.

Оксаны? Какой еще Оксаны? Ах да, Эвелин же на самом деле зовут Оксаной.

– Извините, ради бога, что задержался. Попал в пробку. Ой, да вы совсем замерзли. – Парень чуть сильнее сжал ее пальцы. – Пойдемте скорее в машину.

Алексей подхватил ее сумку, бодро пошагал по перрону.

– Впервые в Москве? – спросил, не оборачиваясь, но потом, вероятно вспомнив, что Лиза немая, замедлил шаг, посмотрел на нее участливо и немного смущенно.

Она кивнула в ответ, ободряюще улыбнулась. Мол, ничего страшного, мне не привыкать.

– Я завтра покажу вам город, – пообещал Алексей. – А сегодня – домой, отогреться, отдохнуть с дороги. Я сварю вам кофе. Вы любите кофе, Лиза?

Она снова кивнула. Парень нравился ей все больше и больше. Холод, все это время сжимавший желудок, отпустил. Все, теперь с ней ничего плохого не случится. Теперь все будет хорошо!

Они ехали по празднично расцвеченному вечернему городу. Лизе хотелось посмотреть, какая же она, Москва, но Алексей все говорил и говорил, а вертеть по сторонам головой во время беседы ей казалось невежливым. В салоне автомобиля было тепло и уютно. Лиза расслабилась. На Москву она посмотрит завтра, при свете дня.

– Я отвезу вас к Оксанке домой, – сказал Алексей. – Она подъедет через часик. Не волнуйтесь, с ней все в порядке, просто отправилась на прием к врачу. Я ей говорил – вызови участкового на дом, но она у меня идейная, не хочет попусту людей беспокоить. А у самой температура тридцать девять. – Алексей улыбнулся. Чувствовалось, что свою сестру он очень любит. Лиза ему даже позавидовала. Здорово, когда у тебя есть брат или сестра.

Когда они подъехали к компактному двухэтажному особняку, уже совсем стемнело. Лиза вопросительно посмотрела на своего спутника – особнячок был похож скорее на памятник архитектуры, чем на жилой дом. Эвелин живет в нем одна?!

– Это дом на две семьи, – словно прочитав ее мысли, объяснил Алексей. – Там, с обратной стороны, есть еще одно крыльцо. Оксанкины соседи улетели всей семьей в Египет неделю назад. Теперь ей, бедной, приходится ночевать в этой домине совсем одной. А она знаете какая трусиха? От малейшего шороха готова бухнуться в обморок. Предлагал ей завести собаку,

чтобы не так страшно было, но она отказывается, говорит, что с собакой гулять нужно, а сестра целыми днями на работе. Теперь, когда вы приехали, Оксанке веселее будет. Вдвоем же не так страшно. Правда, Лиза?

Она смущенно улыбнулась, кивнула в ответ. Вдвоем всегда не так страшно. Кто же будет с этим спорить?

– Ну, вот мы и дома, прошу! – Алексей гостеприимно распахнул тяжелую металлическую дверь.

Лиза переступила порог, оказалась в неожиданно маленькой для такого большого дома прихожей, немного удивилась, а потом вспомнила, что дом рассчитан на две семьи. Наверное, соседям Эвелин принадлежит большая его часть.

Алексей помог ей раздеться, пристроил шубку на вешалку у двери, сказал с улыбкой:

– Проходите в гостиную, почувствуйте себя как дома, а я пока сварю кофе. Извините, полноценный ужин не предлагаю. Оксанка страшно не любит, когда я хозяйничаю на ее кухне. – Он виновато улыбнулся. – Но она через полчаса приедет и все организует наилучшим образом. Потерпите?

Лиза кивнула. Ей было неловко, что из-за нее у людей возникло столько хлопот: встретить ее, привезти на место, кофе напои, ужином накорми! А у Эвелин, между прочим, температура. И у Алексея наверняка были другие, куда более приятные планы на этот вечер...

Гостиная тоже оказалась небольшой, но уютной. Мягкий велюровый диван, удобные кресла, россыпь журналов на низком стеклянном столике. Плоский телевизор на стене. Лиза села в одно из кресел, пошевелила замерзшими пальцами ног, полюбовалась смешными полосатыми носками, подаренными Ленкой перед самым отъездом. В носках был вывязан каждый пальчик, и от этого они походили на используемые не по назначению перчатки. Где-то в кухне загремела посуда, по квартире поплыл аромат свежесваренного кофе. Кофе, вот чего ей не хватало в дороге. В гостиную с подносом в руках вошел Алексей:

– Извините, не знал, какой именно вы предпочитаете, поэтому сварил черный с сахаром.

Черный кофе с сахаром ее вполне устраивал. А на подносе еще стояла вазочка с шоколадными конфетами. Не нужен ей теперь никакой ужин! Кофе с конфетами вполне достаточно. Не стоит загружать болеющую Эвелин лишними заботами.

Алексей тем временем смахнул со стеклянного столика журналы, поставил на их место поднос, сел в кресло напротив Лизы, сказал радушно:

– Ну, угощайтесь!

Кофе был очень горячим и очень сладким. Даже чересчур сладким. Лиза потянулась было за конфетой, но передумала. Конфета – это уже перебор.

– Что, слишком сладко? – озабоченно спросил Алексей.

Лиза покачала головой, сделала глоток. Не хотелось огорчать такого хорошего молодого человека. Выпьет она этот сверхсладкий кофе. Ничего с ней не случится.

Алексей удовлетворенно кивнул, отхлебнул из своей чашки, отправил в рот конфету и с блаженным видом откинулся на спинку кресла.

– Я очень люблю сладости, а Оксана меня все время ругает, говорит, что это прямой путь к сахарному диабету.

Кофе они допивали в молчании. Алексей ел уже четвертую конфету и о чем-то сосредоточенно размышлял. Лизе не хотелось ему мешать. То ли от тепла, то ли от слишком сладкого кофе ее вдруг разморило. Спать захотелось так сильно, что она испугалась, что заснет прямо здесь, в этом удобном кресле, не дождавшись возвращения Эвелин. А ведь еще совсем не поздно. Что же это с ней?

Комната неожиданно качнулась, Лиза вцепилась в подлокотники кресла. Кресло тоже куда-то поплыло. Оно качалось, как маленькая лодка на волнах, и от этого уютного качания

спать хотелось еще сильнее. Наверное, она давно бы уснула, если бы не мысль, что это невежливо. Мысль занозой сидела в мозгу, не позволяла поддаться искушению.

Над Лизой склонился Алексей. Она уже не могла различить его лица, видела только расплывающееся серое пятно. Алексей коснулся ее запястья, успокаивающе погладил по волосам. Лиза закрыла глаза, бороться с дремотой не было сил...

Ей ничего не снилось. Да она и не спала вовсе. Она плавала в мутном тумане, где-то между реальностью и сном. Она слышала голоса. Надо бы открыть глаза, посмотреть, кто пришел. Может, это Эвелин?

Голоса стали громче. Лиза приподняла тяжелые веки, в обрывках мутного тумана увидела двоих: Алексея и представительного седого мужчину. Мужчина был похож на какого-то артиста, если бы не туман, она бы вспомнила, на кого именно.

– Она в сознании? – спросил мужчина приятным баритоном.

– Это исключено. – Голос Алексея утратил недавнюю приветливость, стал деловитым и немного подобострастным.

– Но она на нас смотрит.

– Не может она на нас смотреть. Это всего лишь спонтанные движения глазных яблок. Я дал ей дозу, способную свалить с ног здорового мужика.

Веки налились свинцом. Она уже не могла ничего видеть, она только слышала.

– Все в порядке? – спросил приятный баритон.

– Все как обычно. Мне же не впервой.

– А что проводник, не заинтересовался?

– Я подошел к ней, когда проводник уже вернулся в вагон. И потом, она же немая, никому ничего рассказать не могла...

– Это хорошо. – Кто-то погладил Лизу по бедру. – Славная девочка.

– Да, девочка что надо, молоденькая, хорошенькая. Заберете ее прямо сейчас?

Лиза понимала, что происходит что-то неправильное. То странное дремотное состояние уже отняло ее силы, но еще не до конца лишило способности соображать. Эвелин нет. Есть незнакомый мужчина с приятным баритоном. Есть Алексей. Есть чужие руки, ощупывающие ее тело. Есть кофе, слишком сладкий для обычного кофе. Есть доверчивая дура Лиза Тихомирова, которая, кажется, попала в беду.

Эта последняя мысль напугала ее так сильно, что вернула способность двигаться. Лиза усилием воли приоткрыла глаза: комната кружилась и плавала, мужчин не было видно. Их голоса доносились откуда-то сверху, наверное, со второго этажа.

Бежать! Бежать немедленно – вот ее цель. Лиза чувствует себя сквернее некуда: ее тошнит, у нее кружится голова и хочется спать, но если она не начнет действовать прямо сейчас, то потом может оказаться поздно.

Управлять непослушным, словно бы чужим телом было тяжело. Если бы не животный ужас, заставлявший сердце бешено гнать по венам бурлящую от адреналина кровь, у нее ничего бы не вышло, но страх – это очень сильная мотивация.

Лиза сползла с кресла, пошатываясь, держась за стены, вышла в прихожую, нащарила сапоги, сдернула с вешалки свою шубу. Только бы дверь не была заперта! Господи, сделай так, чтобы она была открыта!

Дверь оказалась заперта, но в замочной скважине торчал ключ.

Пальцы не слушались, дрожали и соскальзывали. Голоса за спиной зазвучали громче. Все... Ей конец...

Дверь поддалась неожиданно. Лиза вывалилась на заметенное снегом крыльцо, обламывая ногти, вцепилась в край двери, не позволяя ей с шумом захлопнуться.

Теперь бежать! Бежать куда глаза глядят, только бы подальше от этого места.

Бежать не получалось, земля продолжала предательски раскачиваться под ногами. Лиза упала на четвереньки, ледяная поземка ударила в лицо. Холод придал сил, взял на себя управление бестолковым Лизиним организмом. Она ползла, по самые плечи зарываясь в пушистый снег, пытаясь побыстрее отползти от освещенного пятка перед особняком. Руки замерзли так, что перестали чувствовать холод, джинсы намокли, снег забивался за шиворот и в незастегнутые сапоги. Но холод бодрил, заставлял действовать. Лиза поднялась на ноги, выписывая затейливые вензеля, побежала прочь от особняка, к стоящим невдалеке многоэтажкам. Только бы добраться до людей...

Она забежала в ближайший двор, прижалась спиной к стене, огляделась. В окнах домов еще горел свет, но не во многих. Который же час? Неужели так поздно?

Тихо поскрипывали на ветру детские качели. Это мерное поскрипывание убаюкивало.

«Не смей спать, – приказала она себе, – не сейчас! Сейчас надо бежать».

Лиза была уже в подворотне, ведущей на улицу, когда увидела Алексея. Чтобы не заорать от ужаса, до крови прикусила ладонь. Боль привела ее в чувство. У нее еще есть шанс...

Безлюдная улица была ярко освещена – не спрячешься. Задышавшись от страха и бьющего в лицо ветра, Лиза метнулась к стоящему на остановке троллейбусу. Ей повезло – в самый последний момент удалось вскочить в пустой, стылый салон. За спиной со змеиным шипением закрылись двери, за обледеневшим стеклом мелькнуло и исчезло растерянное лицо Алексея.

Она добралась до пассажирского сиденья, запахла поплотнее шубу, села, прижалась виском к холодному окну. В троллейбусе было не намного теплее, чем на улице. Не было лишь ветра. И то счастье... Ей повезло – опасность позади. Как же хочется спать...

– ...Нажрутся и катаются, уроды! – Кто-то грубо тряс ее за плечи.

Лиза открыла глаза, испуганно посмотрела на толстую тетку в телогрейке.

– Что зыришь?! – рявкнула тетка и сдернула ее с сиденья. – За проезд плати, убогая!

Лиза затрясла головой, попыталась встать на ноги. Где она? Что с ней?

– Что?! Денег нет?! – орала тетка у нее над ухом. – На водку деньги есть, а на проезд – нет?! А ну, вали отсюда, шалава! – Лизу дернули за воротник, потащили по грязному полу к дверям. Она пробовала сопротивляться, но для этого требовались силы, а их у нее больше не осталось...

Земля встретила ее ласково – пушистым снегом. Девушка почти не почувствовала боли от падения.

– Скажи спасибо, что ментов не вызвала! – послышалось откуда-то сверху. – У-у, ненавижу вас, пропойц!

Лежать на снегу было хорошо, ничуть не хуже, чем сидеть в холодном троллейбусе. Земля тоже качала и баюкала.

Спать, так хочется спать... Нужно только отойти куда-нибудь подальше от света, куда-нибудь, где темно и можно поспать...

Она не помнила, как оказалась посреди дороги, помнила только невыносимо яркие, стремительно приближающиеся огни. Чтобы не видеть их, Лиза зажмурилась...

...А когда снова открыла глаза, оказалось, что она уже не на улице, а в чужой квартире, на чужом диване, укрытая чужим пледом. Первая же осознанная мысль повергла ее в панику – Алексей нашел ее, привез обратно в тот страшный особняк. Лиза рывком села, схватилась за раскалывающуюся от боли голову. Когда боль и головокружение немного улеглись, осмотрелась.

Нет, это не та квартира. Тут все по-другому: другая мебель, другие шторы на окнах, даже пахнет здесь как-то иначе. Только телевизор на стене похож на тот, что она видела раньше.

А может, это просто другая комната? Не гостиная, а спальня? Нет, это определенно гостиная. И потом, если бы Алексей ее нашел, то не стал бы больше оставлять без присмотра. Тогда где она? Кто ее сюда привез? И где ее одежда?

Под пушистым банным халатом на Лизе не было совсем ничего. Кто-то снял с нее даже носки...

Ой, мамочки! Нужно было слушаться Ленку! Если бы послушалась, не очутилась бы сейчас в такой жуткой ситуации!

Лиза встала на ноги, пол качнулся, но уже не так сильно, как раньше, – и на том спасибо. Не надо паниковать. Ее не убили, кажется, даже не изнасиловали. Ее просто привезли в незнакомое место, раздели, уложили спать на мягкий диван, укрыли теплым пледом...

Зачем? С чего вдруг такая забота? А может, события минувшей ночи ей просто приснились? Может, не было никакого седовласого мужчины, похожего на известного актера? Может, она вообще никуда не убегала, а просто уснула в гостиной Эвелин? Может, ей все-все приснилось?

Лиза посмотрела на свои обломанные ногти и застонала. Не приснилось! Господи, не приснилось...

Паника снова накрыла ее с головой. Где одежда? Нужно найти одежду и... Что «и»? Снова бежать? Она уже бегала, ее поймали...

Осторожно, на цыпочках Лиза подошла к окну, отодвинула штору. Высоко, этаж четвертый-пятый. Через окошко не убежишь. Вышла в прихожую, увидела свою шубу, небрежно валяющуюся в углу, стоящие в сторонке сапоги. Вот если прямо сейчас одеться и выскользнуть за дверь...

Дверь оказалась заперта. И никаких ключей в пределах видимости! На сей раз ее похитители перестраховались: пятый этаж, запертая дверь. Теперь не убежишь... Можно попробовать разбить окно и позвать на помощь.

Наверное, Лиза так бы и поступила, но тут неожиданно включилась спавшая все это время логика. В случае похищения ее не оставили бы без присмотра. Связали бы, на худой конец. Нет, тут что-то другое...

Лиза вспомнила яркие огни, визг тормозов. Вчера ночью она лишь чудом не стала жертвой ДТП. Или все-таки стала? Все тело ломит...

Она ничего не узнает, пока сидит сложа руки. Нужно действовать! Лиза еще не знала, как именно будет действовать, но в душе ее вдруг воцарилось почти олимпийское спокойствие.

«Нужно просто спросить, – решила она, – за спрос не берут».

В свете минувших событий это утверждение казалось спорным, но Лиза старалась об этом не думать. Она еще раз обошла комнату в надежде найти свою одежду. Не нашла. Решила идти на переговоры с «похитителями» в халате.

Комнату, одновременно похожую на рабочий кабинет, домашний кинотеатр и звукозаписывающую студию, заливал яркий солнечный свет. За компьютерным столом, вполоборота к двери, сидел молодой мужчина. Лиза могла видеть лишь аккуратно стриженный затылок и расслабленную спину, но это точно был не Алексей. У того волосы русые с рыжинкой, а этот – брюнет.

– Привет, – вдруг заговорил незнакомец, не отрываясь от компьютера.

Лиза сделала глубокий вдох, похолодевшими от волнения пальцами вцепилась в дверной косяк. Несколько минут в комнате было тихо, а потом мужчина развернулся вместе со стулом, посмотрел на нее чуть удивленно, спросил:

– Ты как?

Вид у него был совсем не злодейский, а очень даже наоборот. Таких стильных парней Лиза видела только по телевизору и на обложках модных журналов. Даже домашняя одежда: линялые джинсы и помятая льняная рубашка – не портила, а лишь усиливала это впечатление. Уверенная улыбка, трехдневная небритость, прическа волосок к волоску. Нет, не похож он на злодея, совсем не похож.

– А зовут-то тебя как?

Он не знает, как ее зовут! А те люди знали. Значит ли это, что он не из их банды? Ведь значит же! От облегчения голова у нее закружилась еще сильнее, ноги стали ватными.

О чем он спрашивал? Как ее зовут? Лиза обвела торопливым взглядом кабинет-студию: книги, папки, компакт-диски и ни одной ручки. Как же ей с ним общаться?..

Парень с обложки оказался человеком нетерпеливым: он вдруг сорвался с места, выбежал в прихожую, зачем-то стал перетряхивать ее шубу. Что он ищет? Не важно. Она нашла средство коммуникации – его ноутбук!

Лиза деликатно тронула парня за рукав, поманила за собой обратно в кабинет, к ноутбуку. Ведь ничего страшного не случится, если она на время свернет программу, с которой он работал? Судя по возмущенному возгласу, парень ее уверенности не разделял. Лиза торопливо набрала:

«Здравствуйте. Меня зовут Лиза. Я не могу говорить».

– Ты немая?! – удивленно спросил он, четко выговаривая каждый звук, словно в придачу ко всему она была еще и умственно отсталой. Стало горько и обидно. Даже страх перед неизвестностью отошел на второй план. Впрочем, ей не привыкать.

«Что со мной случилось?» – написала она.

– Что с тобой случилось?! Это ты у меня спрашиваешь, что с тобой случилось?! – В его голосе прозвучали раздражение и искреннее недоумение. Он, кажется, действительно ни при чем, но как же в таком случае она оказалась в его квартире? Это-то он точно должен знать!

Лиза закусила губу, борясь с головокружением. Вслед за головокружением обязательно придут слезы. Она это точно знает, чувствует...

Парень, кажется, тоже почувствовал:

– Так, стоп! Никто не волнуется. Никто не плачет. Ясно? Давай разбираться. Идет?

Лиза кивнула. Ей как никому другому хотелось во всем разобраться.

– Значит, так. Я подобрал тебя вчера вечером на дороге, недалеко от своего дома. Ты была, мягко говоря, не в себе. Пила что-то или, может, дурь принимала?

Дурь принимала? Да не принимала она ничего такого! Во всяком случае, по доброй воле. Он что, считает ее наркоманкой?!

– Ничего не принимала? – Похоже, парень ей не поверил. – Ну, не знаю. Трезвой ты точно не выглядела, – он загнул указательный палец, – это раз. И еще ты была насквозь промерзшей – это два. Я тебя пожалел, привез к себе, разморозил, как умел...

Разморозил, как умел! А как именно? Почему она голая под халатом? Он что, ее...

– И не надо падать в обморок. Ничего нового я вчера не увидел. – Парень самодовольно ухмыльнулся. – Уж можешь мне...

Значит, раздевал! А зачем ее раздевать?! Неужели нельзя было «размораживать» ее в одежде?!

– Ну ты чего? Хватит мне тут истерики закатывать! Я, между прочим, человек нервный. Я тоже расстроиться могу. И вообще, на твою девичью честь я не покушался. Больно ты мне нужна...

Да что же это?.. Ехала в Москву к подруге, собиралась проконсультироваться у профессора с мировым именем. А попала сначала к каким-то мошенникам, потом в лапы к сексуальному маньяку, который подбирает беспомощных девушек на улице и «размораживает» их, как умеет...

* * *

В дверь ванной деликатно постучались. Лиза вздрогнула, торопливо вытерла полотенцем заплаканное лицо.

– Эй, кофе готов! Ты скоро? – послышалось из-за двери.

Стук повторился, а потом ее новый знакомый чертыхнулся, сказал раздраженно:

– Чего ты стучишь, Легостаев? Эта ж деваха не только ненормальная, но еще и глухонемая! Подкинул господь подарочек!

Вот она, оказывается, какая: ненормальная глухонемая деваха! Лиза решительно распахнула дверь, не обращая внимания на парня, прошла в кабинет. Ноутбука не обнаружила, зато увидела на том месте, где он стоял, слой пыли, на котором недолго думая вывела:

«У меня стопроцентный слух!!!»

Парень с минуту разглядывал ее послание, потом рукавом смахнул пыль, посмотрел на Лизу сверху вниз, спросил удивленно:

– Так ты слышишь?!

Она сердито кивнула.

– А разве так бывает?

Лиза болезненно поморщилась.

– Ладно, пойдем кофе пить. – Кажется, извиняться он не собирался. Да и с какой стати ему извиняться?! Это она должна извиняться, в ножки кланяться за спасенную жизнь. А она фыркает, характер показывает...

Обида и раздражение прошли, уступили место раскаянию. Лиза смущенно улыбнулась своему спасителю, стерла ладошкой остатки пыли, демонстрируя покорность и послушание.

Легостаев понимающе улыбнулся, поскреб щетину и неожиданно сказал:

– Ты меня прости за «ненормальную». Я не хотел тебя обижать.

Кухня была просторная. Даже слишком просторная для одного человека. Хотя с чего она решила, что он живет один? Пока хозяин разливал кофе, Лиза украдкой осмотрелась. Нет, не чувствуется тут присутствия женщины. Во всяком случае, постоянного присутствия. Впрочем, ей-то какое дело? Она здесь транзитом. Сейчас попьет кофе, поблагодарит его за радушие и пойдет куда глаза глядят...

– Сахар не клал, – сказал Легостаев, ставя перед ней чашку с дымящимся кофе.

Лиза благодарно кивнула, после вчерашнего происшествия она еще очень не скоро сможет пить сладкий кофе.

– Есть хочешь? Сделать бутерброд? – спросил он, усаживаясь напротив, локтем отодвигая включенный ноутбук подальше от края стола.

Есть не хотелось. От одной только мысли о еде подкатывала тошнота. Наверное, Лиза позеленела очень красноречиво, потому что Легостаев посмотрел на нее со смесью жалости и раздражения. Наверное, испугался за свой надраенный до зеркального блеска пол. Лиза успокаивающе махнула рукой – мол, все в порядке, отхлебнула кофе.

Кофе был очень вкусный, маслянисто-черный. Чудо, а не кофе! Ободренная Лиза отвалилась на конфету. Конфета тоже оказалась вкусной, шоколадной, с благородной горчинкой.

– Может, теперь расскажешь, что с тобой приключилось? – спросил Легостаев, когда она отодвинула опустевшую чашку. – Любопытство, понимаешь ли, глохнет мою журналистскую натуру.

Так он журналист?! Лиза впервые видела журналиста, да еще московского.

– Кстати, меня зовут Максим. Можно просто Макс.

Просто Макс – красивое имя для парня с обложки. Он – с обложки, стильный, самоуверенный, а она – в халате с чужого плеча... И под халатом – ничего...

«Где моя одежда?»

– На батарее сохнет. Я вчера как-то об этом не подумал, развесил только сегодня утром. Она еще сырая, так что придется тебе пока так...

«А белье?»

– А белье где-то в комнате. Не помню точно, куда его засунул. – Он снова улыбнулся улыбкой Казановы. Или это ей просто так показалось? – Но, если хочешь, могу поискать.

Лиза протестующе махнула рукой. Не хватало еще, чтобы он искал ее белье! Сама найдет.

– Ну так что с тобой приключилось?

«Долгая история».

– Ничего, до понедельника я совершенно свободен. Ты пока пиши сочинение на тему «Как я провела вчерашний день», а мне нужно сделать один звонок.

Лора к телефону не подходила, видно, разгневалась не на шутку. Ох, не миновать ему расплаты...

Макс вернулся в кухню. Его ночная гостья с сосредоточенным лицом барабанила по клавиатуре ноутбука. К слову, очень быстро барабанила, профессионально. На Макса она внимания не обращала – ушла в себя. Он посмотрел в окно на орудовавшего здоровенной деревянной лопатой дворника Васильича, вернулся к столу, уселся, подпер подбородок кулаком, взглянул на девчонку. Лиза – красивое имя, царское. Ему всегда нравились такие имена: Елизавета, Екатерина, Анна, Мария...

Эта Лиза на царицу походила мало. И даже на царевну не тянула, но, в принципе, была симпатичной. Вот только характер у нее, похоже, не сахар.

«У меня стопроцентный слух». Макс чуть слышно хмыкнул. Девчонка оторвалась от ноутбука, посмотрела вопросительно своими крапчато-каштановыми глазами.

– Не отвлекайся, – посоветовал он.

Она кивнула и снова уткнулась в комп.

...А еще она скромница. Вон как разнервничалась, когда узнала, что он ее «размораживал»: покраснела, побледнела, оскорбилась. А он, честно говоря, и не помнит, какая она была там, в ванне. Некогда ему было ее рассматривать. А жаль, все равно ведь его теперь подозревают во всех смертных грехах.

Пока Макс думал об упущенных возможностях, его гостья деликатно похлопала ладошкой по столу, привлекая его внимание.

– Что, написала?

Она кивнула, пододвинула к нему компьютер. Макс уселся поудобнее, углубился в чтение.

Авария, кома, немота, Интернет-переписка с несуществующей Эвелин, поездка в Москву «на консультацию», странные мужики, наркотики в чашке с кофе, побег, эпохальная встреча с ним, Максом Легостаевым...

Да, история стара как мир. Наивная провинциалка, Всемирная паутина, огни большого города, банда сутенеров, ловящих в сети вот таких доверчивых дур.

Кстати, девчонка, похоже, так и не врубилась, что с ней на самом деле приключилось. Макс потерял подбородок, посмотрел на Лизу. Она, оказывается, тоже на него смотрела, можно сказать, глаз не отрывала. Ох, и не понравился ему ее взгляд! В ее взгляде была надежда. И на что, интересно, она надеется? А еще точнее – на кого?

На него?! Вот это зря! Он и так сделал для нее больше, чем собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.